

ЧЖАН
СЮЭДУН
**БЫЛЫЕ
ДНИ
ДЕТЕЙ
И ПСОВ**

Сюэдун Чжан

Былые дни детей и псов

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66462274

Ч. Сюэдун. Былые дни детей и псов: ИД «Гиперион»; Санкт-Петербург;

2021

ISBN 978-5-89332-378-8

Аннотация

Чжан Сюэдун (р. 1972), писатель с Северо-Запада Китая, заместитель председателя Союза писателей Нинся-Хуэйского автономного района. Он является автором шести романов, полутора десятка повестей и множества рассказов. Творчество Чжан Сюэдуна реалистично, оно неразрывно связано с современной китайской действительностью. Сюжеты его произведений, как правило, содержат интригу, отличаются неожиданными поворотами, сталкивают героев со сложным нравственным выбором. Язык Чжан Сюэдуна отличается оригинальной образностью и ярко отражает особенности китайского мировосприятия. В 2020 г. на русском языке был издан сборник повестей Чжан Сюэдуна «Поцелуй змеи».

Повесть «Былые дни детей и псов» на русском языке публикуется впервые.

Содержание

1	5
2	18
3	34
4	50
5	62
6	72
7	80
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Чжан Сюэдун

Былые дни детей и псов

© Zhang Xuedong, 2021

© О. П. Родионова, перевод, 2021

© ИД «Гиперион», 2021

* * *

Посвящается Фанфэй и ее сверстникам

1

Смеркалось; вечерняя мгла сгущалась сильнее обычного. На западе в тополиной роще безмятежно разливался рыжий с ржавым налетом закат. Протекавшая позади рощи мутная река неторопливо несла свои воды с юга на север, а еще дальше, в горной долине, над которой незаметно исчезало румяное лицо солнца, мягко растворился в сумерках поселок Учипучжэнь – словно воздушный змей, что внезапно упал на землю и замер.

Пчела первой услышала топот копыт и шум колес, а потому стрелой вылетела из дома и помчалась к дороге. Словно тигрица в засаде, она устроилась на своем излюбленном месте, где был самый лучший обзор. Выражение «лучший обзор» никоим образом не является преувеличением: здесь действительно находилась самая удачная точка. Каждый, кому случалось проходить через этот неказистый поселок, непременно оказывался возле огромного старого вяза.

Но вполне очевидно, что Пчелу интересовал даже не сам по себе обзор – она усаживалась под старым вязом, скорее, для того, чтобы занять наиболее выгодное положение со стратегической точки зрения. Главным отличием собак от людей является то, что собаки всегда сохраняют высокую бдительность, а потому не пропускают ни дуновения ветерка, ни шелеста травы. Так что определенно в тот день пер-

вой, кто увидела или, лучше сказать, учуяла то семейство, стала именно Пчела.

Люди везли с собой всяких сундуков и мебели будь здоров, загруженная под завязку телега ползла еле-еле. Телега была достаточно широкой: несмотря на то, что она была набита доверху, на оглобле и деревянном кузове пристроились еще пара человек. Прочные колеса уже давно покрылись толстым слоем грязи и теперь издавали жуткий грохот. Подъезжая ближе, тяжело груженная телега завывала все заливишнее, грозя вот-вот развалиться.

Наконец она выволокла на центральную улицу поселка.

Пчела настороженно наострила уши, ее глаза горели, словно факелы. На самом деле она уже давно заметила шатающийся за повозкой темный силуэт. Несмотря на грохот колес и скрип телеги, эта еле проступавшая в сумерках деталь от ее собачьих глаз все же не ускользнула. И выждав момент готовая к яростной схватке Пчела без раздумий бросилась в атаку.

К тому времени уже совсем стемнело, вокруг стояла полная тишь. Старик, что правил телегой, кемарил на ходу, поэтому совсем не заметил затаившуюся под вязом воинственно настроенную собаку. Ее ощерившаяся морда не на шутку перепугала возницу. Однако Пчелу не интересовали ни он, ни лошадь: ловко обогнув телегу, она напрямик нацелилась на того, кто находился за ней. Наметив жертву, она намеревалась тут же сразить противника.

Потому что позади набитой доверху телеги на привязи телепалась собака. Неизвестно, как долго она шла, может, даже с самого рассвета и до заката. В общем, к тому времени, как оказаться на улице Учипучжэня, псина эта основательно оголодала, и настроение ее было хуже некуда. Поэтому едва к ней метнулась Пчела и жестким ударом сшибла ее с ног, эта собака залилась истошным негодующим лаем. Безжалостно привязанная к телеге веревкой, она не имела возможности ни убежать, ни тем более атаковать врага. Ей оставалось лишь из всех сил сопротивляться, поэтому, вскочив с земли, она до предела повысила голос, демонстрируя ярость и дерзость. Правду говорят, что собаки в драке не щадят друг друга. Выверенным движением Пчела уже успела вцепиться в загривок собаки, но и та в долгу не осталась. Сделав в воздухе кувырок, она двумя передними лапами из всех сил обхватила Пчелу за спину и не церемонясь нанесла ответный удар.

В этот момент все, кто ехал на телеге, словно очнулись: взрослые заголосили, дети закричали. Насмерть испуганный старик возница высоко взметнул кнут, звонким щелчком огласив воздух. Но сцепившиеся собаки словно обезумели, даже когда их стегануло кнутом, они лишь фыркнули, но ни одна, ни другая даже и не подумали разжать зубы или ослабить хватку.

Совсем скоро к месту потасовки подтянулись и остальные местные псы. Стремительно собравшись вокруг этих до-

стойных противников, они взяли их в плотное кольцо. Пчела злобно рычала; возможно, тем самым она хотела сказать своим собратьям, чтобы те не вмешивались, — она была твердо уверена в собственных силах и в том, что может контролировать ситуацию. К этому моменту сюда от мала до велика сбежался и местный народ, и, самое главное, на место драки примчался хозяин Пчелы.

Мужчина тряханул кулаком, пару раз грубо прикрикнул, и Пчела, хоть ей страшно этого не хотелось, все-таки вынуждена была послушаться. Подвывая, она наконец досадливо отпустила пса-незнакомца, вторгшегося на чужую территорию. Но несмотря на беспрекословное послушание хозяину, она совершенно не желала немедленно оставлять поле боя. Готовая в любой момент повторить атаку, она по-прежнему сверлила злобным взглядом этого, судя по всему, сильного противника, оставшегося позади телеги.

Вначале никто не знал, откуда взялась эта телега, и уж тем более никто не понимал, что за люди на ней приехали. А поскольку случилось это во время ужина, то в руках у обступивших телегу зевак исходили паром чашки с рисом. Люди заталкивали в рот еду и одновременно, словно утки, с любопытством вытягивали шеи. Гомон толпы и лай собак волнами накатывали друг на друга. И лишь когда возница наконец уллучил момент и спросил дорогу, все вокруг по его выговору поняли, что он не из местных.

Хозяин Пчелы, сдвинув брови, показал на узкий переулок

напротив и сказал:

– Эй, просто поверни на ближайшем перекрестке – тебе туда.

Старик тепло поблагодарил его за ответ и, понукая выбившуюся из сил лошадь, продолжил путь.

Народ снова поднял галдеж; кто-то предположил, что, поскольку телега забита домашним скарбом, то почти наверняка люди приехали, чтобы пустить здесь корни. Еще один отметил слишком уж изысканный вид женщины, что, понурив голову, сидела на краю телеги. Мол, ее одежда выглядит опрятно и радует глаз, в аккуратно подстриженных волосах блестят две черные заколки, а чудесный аромат, исходящий от нее, и вовсе вводит в ступор. Едва разговор принял такое направление, как кто-то сострил:

– Ты ведь не Пчела, откуда взяться такому нюху?

В результате толпа не удержалась и разразилась громким хохотом.

В один миг этот веселый смех окончательно закрасил сумеречное небо непроглядной черной тьмой. Выходящие на улицу небольшие окошки вразнобой вспыхнули ярким светом. Только тогда зеваки – пустая чашка в одной руке, замасленные палочки в другой – беспечно разбрелись по домам. Ребяшня звучно стучала по своим посудинам, нарываясь на брань взрослых:

– Что еще за стук устроили! Так ведут себя только попрошайки...

Пчела то забегала впереди хозяина, то умышленно от него отставала. Совершенно очевидно, что она еще не до конца оправилась от стычки, в ее рту осталось несколько волосков странной на вкус чужой шерсти. Эта серо-коричневая шерсть, прилипнув к языку, теперь ни за что не хотела выплевываться. Ее гадкий цвет, как бы получше выразиться, чем-то напоминал окрас котов лихуа¹, поэтому лишь от одной этой мысли Пчелу аж выворачивало. Вспомнив об этих лентяях, которые только и знают, что целыми днями лежать на мягкой подстилке в гостиной и вечно гундеть свое странное «мяу-мяу», Пчела тут же вышла из себя. «Кошки – предатели» – часто любил повторять хозяин. Однако похоже, что людям без этих своенравных созданий никак не обойтись, и, поскольку коты все-таки боролись с мышами, хозяину приходилось считать их помощниками. В отличие от котов, собаки всегда пренебрегали подобным занятием, им даже в голову не приходило ловить мышей; эти мелкие безобразные твари вызывали у них лишь смех.

Разумеется, хозяин также любил говорить, что «собаки – верные слуги», и уже одного этого было достаточно. Собаки проявляли себя с лучшей стороны во все времена. Однако непонятно почему, но в последнее время всякий раз, когда в поселке показывали какое-нибудь кино, из черного жерла репродуктора непременно вырывалась жесткая брань, в которой неизменно присутствовали собаки: собачий преда-

¹ Одна из древнейших ныне малочисленных кошачьих пород.

тель, собачий шпион, собачье отребье или сукин сын. Слушая все это, Пчела злилась и страдала: ну чем, в конце концов, собаки насолили людям, к чему поминать их где ни попадя дурным словом? Иной раз, когда ее терпение лопалось, она подбегала к белому экрану, на котором колыхались люди, и раздражалась надрывным лаем. Однако динамики работали в такую силу, что никто не обращал внимания на ее гнев. С этих пор кино она прямо-таки невзлюбила.

Однако сейчас голову Пчелы заполнили мысли о той – не понять откуда взявшейся – собаке. Если бы хозяин подоспел чуть позже, то вероятнее всего чужая псина уже отправилась бы на тот свет, Пчела бы уж постаралась перегрызть ей глотку. В поселке ей не было равных, все собаки в округе считали ее за главаря, так что условия здесь диктовала она. В этом мире она никого не боялась – кроме хозяйской семьи, которой повиновалась беспрекословно. Особенно это касалось псов, что без разбору легкомысленно вторгались на ее территорию, – таким следовало преподать хороший урок.

Однако, однако... Сегодня Пчелу больше, чем когда-либо, охватила какая-то щемящая тоска. Странное чувство, которое надолго выбило из колеи эту уверенную в себе собаку. Прежде чем противник успел вцепиться в нее мертвой хваткой, Пчела заметила его наглый оскал и услышала жуткий вой. Прежде с таким ей сталкиваться не доводилось. Она до сих пор чувствовала оставленный на ней этим парнем незнакомый, леденящий душу запах слюны. А еще ее озадачила

какая-то легкомысленность местных мужиков, которые, увидав телегу, заметно приободрились. Особенно Пчелу возмутило, когда эти бездельники завели разговор про женщин, какой-то там аромат и изысканность.

У ее хозяина, похоже, также поднялось настроение. Вместо того чтобы сразу вернуться домой, он заложил на манер руководителя руки за спину и степенно направился в ту сторону, куда скрылась телега. У обочины в два ряда возвышались много лет назад посаженные ивы, их разросшиеся кроны уже давно переплелись меж собой, что добавляло разлившимся недавно сумеркам некоторой мистики. В узеньком просвете над головой сквозь густую непроницаемую листву смутно виднелось темно-синее небо, на котором уже лукаво подмигивало несколько звездочек.

Какое-то время Пчела проявляла нерешительность, озираясь по сторонам, но в конце концов потрусила за хозяином. На хозяине были синяя майка и наброшенная поверх нее выношенная рубаша из белого полотна, настолько старая, что на воротнике и рукавах уже распустились все швы, поэтому во время ходьбы ее пустые рукава чуть покачивались, отбрасывая на землю длинные несуразные тени. Время от времени Пчела принималась обнюхивать эти мельтешившие перед ней штуковины, но, пошевелив черным кончиком носа, тут же отрывала его от земли и шла дальше. Сделав несколько шагов, она опять останавливалась и принималась по новой обнюхивать землю. Было совершенно очевид-

но, что улица, которую она знала досконально, теперь приобрела посторонний специфический запах, и это ее взволновало донельзя. Казалось, она с головой углубилась в какое-то исследование и теперь изо всех сил водила мордой у самой земли, чтобы безошибочно распознать все детали нового запаха. Наконец ее осенило, что этот запах также принадлежал собаке, а если выразиться точнее – исходил от мочи незнакомого кобеля. Все это, будучи новым и странным, приводило ее в возбуждение.

Свернув с главной улицы и пройдя буквально пару шагов, они заметили ту самую телегу, которая теперь стояла у ворот заброшенного дома. Рядом туда-сюда сновали фигуры людей, доносилось какое-то позвякивание – то переносили вещи. Женский голос предупреждающе залепетал:

– Эй, осторожнее, не надо тут шастать, не убейтесь...

В ответ слышалось не то радостное, не то унылое бормотание двух детских голосов. Пчела сообразила: люди переносят вещи из телеги во двор. Однако она никак не могла взять в толк, откуда они все-таки взялись и почему так неожиданно проникли в их поселок? Кто им позволил такое самоуправство? Даже бездомные псы, прежде чем забежать на эту территорию, прежде должны были громко поприветствовать Пчелу.

Не успела появиться одна проблема, как всплыла на поверхность новая. Пчела с удивлением заметила, что ее собственный хозяин – и что ему только взбрело в голову? – на-

правился напрямик к телеге. Более того, когда у телеги появились люди, он легким движением снял с нее огромный деревянный сундук и, чуть согнувшись, водрузил его себе на плечо. Пчела просто оторопела: неужели хозяину больше нечем заняться и негде приложить свою силу? Она не удержалась и пару раз гавкнула в сторону накренившейся покачивающейся фигуры. Однако урезонивать хозяина было бесполезно, работы он никогда не чурался. В поселке все знали его как ударника труда, отмеченного почетными грамотами, о чем свидетельствовал приколотый одно время на груди красный цветок.

Вскоре со двора донесся преисполненный благодарности женский голос:

– Ах, спасибо огромное, братец, у нас тут и правда не хватает рук. Сам понимаешь, мы тут люди новые, только что прибыли, дети до помощников еще не доросли...

Когда хозяин отнес сундук и вернулся обратно, белой рубахи на нем уже не было, зато теперь за ним увязалась та самая женщина. Вместе они подошли к телеге и в четыре руки энергично подняли деревянный комод. Взяв его с двух сторон и оказавшись лицом к лицу, они мелкими шажками направились во двор. Согласованности их действий можно было только позавидовать. Стенки комода были настолько гладкими, ровными и отполированными, что в сияющей поверхности отражались их раскрасневшиеся лица. Пчеле казалось, что сегодня хозяин проявляет свою активность сверх

всякой меры, ведь он этих людей видел впервые и тем не менее раздобрился дальше некуда.

И пока Пчела размышляла, как ей на все это реагировать, неожиданно из ворот выскочила черная тень, которая бросилась прямо на нее...

Едва псы яростно сцепились друг с другом, сплетясь в клубок, со двора сломя голову выбежали их хозяева. Однако их вопли были совершенно бесполезны: остервенелый лай собак сотрясал все вокруг, противники сражались не на жизнь, а на смерть, и разделить их было невыносимо. Изрядно утомленная хозяйка пса уже едва могла что-то пролепетать, никаких сил усмирить свою собаку у нее не осталось.

Тогда хозяин Пчелы от безысходности схватил подвернувшуюся под руки короткую палку. Заметив это, Пчела, которую буквально рвал противник, не без радости подумала: если только палка попадет аккуратно в ее врага, то она тут же сможет освободиться и нанести ответный удар, и тогда они с тем псом, можно сказать, будут квиты.

Однако Пчела и предположить не могла, что палка хозяина без промаха опустится прямоком на ее зад. Послышался звучный шлепок. Ошеломленная Пчела издала истошный вопль, тотчас вся скукожилась, поджала хвост и застыла на месте. Этот удар вдруг совершенно лишил ее боевого запала. Обычно хозяин крайне редко поднимал на нее руку, разве что сделает страшный вид, вытаращит глаза, замахнется да просто прикрикнет пару раз. Но то, что он выкинул этим ве-

чером, причем даже не вникнув в суть дела, потрясло Пчелу до глубины души.

— Ах ты скотина непослушная, а ну ко мне! — заорал хозяин. Он рвал и метал, словно Пчела нарушила закон самого Неба, словно ее излишне импульсивное поведение испортило ему весь благодный настрой этого вечера.

Палка хозяина снова взмыла в воздух. Пчела окончательно оцепенела, отчаялась и сдрейфила. Интересно, чего же такого принял сегодня хозяин, что сейчас он, растопылив локти, коршуном встал на защиту чужой скотины?

В это время хозяйка пса уже подозвала его к себе и принялась что-то гундеть ему на ухо, точно увещевала неразумное дитя. Вполне возможно, она его ругала, но голос у нее был отнюдь не злобный. Пчела слышала, как та нежно нараспев говорила:

— Ты чего так разошелся? Больше так себя не веди, понял меня?

От такой несправедливости Пчела испытала жгучий приступ ревности, однако вынуждена была прижухнуть и отступить еще на несколько шагов, поскольку хозяин все еще выглядел мрачнее тучи. Он не пощадил ни грамма ее самолюбия, и Пчела не хотела нарываться снова. Ей ничего не оставалось, как потихоньку развернуться, поджать хвост и сердито потрусить в сторону дома. Она смутно ощущала, как с ее шерсти скатываются жемчужинки крови. Ей следовало немедленно вернуться в свое логово и хорошенько зализать

свои раны, очень уж не хотелось, чтобы кто-то из местных шавок лицезрел ее в таком потрепанном виде.

В понедельник в школе, что располагалась в самом центре поселка, в классе, где обучались ребята-подростки, неожиданно появилась новенькая. Ее скромное белое личико выглядело смышленным, а одежда сильно отличалась от одежды сверстниц. От всего ее облика веяло каким-то нездешним изяществом и утонченностью. Короче говоря, любому местному жителю при взгляде на нее становилось понятно, что эта девчушка не их поля ягода. Учительница торжественно представила ее остальным ученикам, объявив, что новенькую зовут Се Яцзюнь и что ее перевели в их школу в связи с переездом родителей. На какой-то момент в классе воцарилась тишина, после чего ребята дружно прыснули со смеху, и этот смех прозвучал довольно грубо и нелепо.

Лю Хо, в отличие от других, воздержался от такой жесткой реакции. Но на самом деле ему тоже было странно, что у этой девочки было такое чудное имя. К чему вместо какого-нибудь девчачьего имени типа Ли, Янь, Мэй² надо было вдруг называться таким жестким мужским именем, как Яцзюнь³? Это звучало более чем странно. С трудом дождавшись перемены, Лю Хо, больше не в силах сдерживать любо-

² Дословно «Красивая», «Ласточка», «Слива».

³ Дословно «Серебряный призер».

пытство, не привлекая лишних взглядов, подсел к новенькой и, напустив на себя самый непосредственный вид, шепотом спросил:

– А что, у вас в семье есть еще и Гуаньцзюнь⁴?

Не удостоив его ответом, девочка спокойно и сдержанно сидела за своей партой, вытянувшись в струнку. Прикрытые тоненькими веками глаза посмотрели на него в упор, в ее взгляде одновременно читались возмущение и насмешка, хотя еще больше в нем было пренебрежения. Ее чернящие глаза уставились на него точно бездонные линзы бинокля, от этого казалось, что он у нее весь как на ладони. Во всем Учипучжэне невозможно было найти другого такого взгляда. Это открытие оказалось столь неожиданным, что на какой-то момент Лю Хо совершенно растерялся.

К счастью, раздался «звонок» на урок, его подавал дворник, стуча палкой по старинному колоколу: «бум, бум, бум, бум...». Звучало это несколько примитивно, к тому же нудно, и больше напоминало нестройный топот бегущих по школьному стадиону учеников, которые только и умели, что поднимать пыль, не соблюдая никакого ритма. Зато благодаря этим беспорядочным звукам Лю Хо удалось скрыть свое смущение. словно ловкая обезьяна, он поспешно вернулся на свое место, лицо его пылало.

Эта новенькая Се Яцзюнь сидела прямо перед ним. Ее ослепительно белоснежная шея напоминала изящное гор-

⁴ Дословно «Чемпион».

лышко фарфоровой вазы. Убранные в обычный хвост волосы были перевязаны белым носовым платочком в мелкий цветочек на манер лепестков фиалки. Прямо у линии роста волос струилось несколько не заправленных в хвост шелковистых прядей, которые, колыхаясь, создавали таинственную рябь. На девочке было очень симпатичное платьице из набивного ситца, и когда учитель представлял ее классу, все восхищенно таращились на нее, особенно совершенно зачуханные местные девчонки. Сами они оторопели, а их глаза загорелись завистью, они были на сто процентов уверены, что второго такого платья в их поселке не найти: его цвет и фасон выглядели совсем по-иностранному.

И пусть Лю Хо любовался девочкой со спины, зато с максимально близкого расстояния, к тому же отсюда ее можно было рассматривать сколько душе угодно. Когда новенькая усаживалась на свое место, он заметил, как она обеими руками легонечко придержала подол платья, и тот покорно лег прямо под ее ягодицы, из-за этого ее спина еще больше распрямилась, что вызывало чувство некоторого благоговения. В этот короткий миг подросток успел разглядеть ее белые, тонкие, длинные пальцы, через тонкую кожу которых просвечивали практически все венки, словно кто-то случайно оставил на них следы от перьевой ручки.

Во время урока Лю Хо был сам не свой, по неловкости он сдвинул локтем колпачок ручки, и тот провалился в нижний отсек парты. Ему ничего не оставалось, как скрючиться

и полезть на поиски колпачка. И тут он совершенно случайно заметил икры и лодыжки ее ног: нежно-белые, напитанные жизненными соками, блестящие и гладенькие, они напоминали очищенные стебли свежего дудчатого лука, из которого вот-вот засочится влага. Чуть погодя его взгляд остановился на прозрачных бледно-розовых пластиковых сандалиях, ремешки которых украшали овальные металлические пряжки, отливавшие серебряным блеском. Более того, на ногах новенькой красовались белые носочки, удивительно тонкие, скорее всего из нейлона. В их селе никто и никогда не надевал носки к босоножкам, их носили на голую ногу. Одним словом, все увиденное выглядело столь свежо и необыкновенно, что напоминало первый луч утреннего солнца, ослепляющий своей яркостью. Про себя он тут же подумал: «Да что там в школе – во всем поселке нет девчонок, которые бы так одевались». На какой-то миг он ощутил, что в его мозгу произошло короткое замыкание, он даже забыл, что делал; наконец, очнувшись, продолжил поиски колпачка.

Все это время Лю Хо строил предположения, откуда в конце концов взялась эта девчонка? Всем своим обликом, с головы до пят, она вызывала любопытство и в то же время заставляла чувствовать себя неполноценным. Кто ее знает, например, в фильмах девушки, одетые под иностранок, как правило, являются гоминьдановскими шпионками. Не исключено, что и имя у нее вымышленное, так сказать, для отвода глаз... Опять же, он не знал, берут ли в шпионки

столь юных особ? Но какой прок от таких вопросов, которые только изматывают, оставаясь неразрешимыми... Из-за этого весь следующий урок Лю Хо просидел, словно в медитации, поэтому, когда учитель вдруг резко задал ему какой-то вопрос, он, будто свалившись с Луны, долго лепетал что-то несвязное и непонятное, вызвав тем самым игривые улыбки и хохот одноклассников.

Тут учитель перевел недовольный взгляд на новенькую Се Яцзюнь:

– Отвечай ты.

Новенькая смело поднялась со своего места и на очень беглом путунхуа⁵ практически без единой запинки дала верный ответ. Учитель одобрительно кивнул, после чего бросил укоризненный взгляд на Лю Хо:

– Нечего во время уроков витать в облаках, лучше бери пример с новенькой.

Лю Хо вдруг почувствовал, как лицо его запылало, а ладони покрылись липким потом. От стыда он не знал, куда деться.

После уроков первое, что сделал Лю Хо, проскользнув к себе во двор, так это пару раз громко свистнул, призывая Пчелу.

Только сейчас он обратил внимание, что у его собаки новая рана. Прямо на загривке Пчелы, в нижней части ближе

⁵ Нормативный китайский язык, в данном случае противопоставленный местному говору деревенских жителей.

к спине, шкура была разодрана, обнажая дыру величиною с голубиное яйцо. Из отверстия выглядывала розовая плоть, окровавленная, с запекшейся коркой около шерсти, которая, затвердев, топорщилась в разные стороны.

Лю Хо осторожно прикоснулся к ране, собака тут же застонала, мучительно ощерив белые зубы. Весь вчерашний вечер Лю Хо корпел над домашним заданием и, хотя слышал доносившийся с улицы лай, с места не сходил. Он и подумать не мог, что Пчела может так пострадать. На его памяти это было впервые. Сочувствуя собаке всем сердцем, Лю Хо не стал больше прикасаться к ране, а вместо этого, успокаивая, приобнял ее за шею. Понимая чувства младшего хозяина, Пчела тут же высунула язык и принялась благодарно лизать ему руки, словно для нее это было лучшее болеутоляющее.

Когда Лю Хо появился на свет, эта собака уже охраняла их двор. В семье говорили, что ее привел откуда-то еще дед. Однако дед вскоре после рождения Лю Хо умер, поэтому подробную историю появления собаки уже никто рассказать не мог. Но так или иначе, сколько помнил себя Лю Хо, Пчела всегда была его самым задушевным товарищем, можно даже сказать, что они были не разлей вода. Когда Лю Хо немного подрос, то, едва наступало лето, он вместе с собакой плескался в оросительной канаве рядом с поселком. Осенью они ходили в лес, где гонялись за дикими зайцами и фазанами. И даже зимой, несмотря на лютый мороз, он забавлялся с Пчелой, валяясь в глубоком снегу.

Когда вчера вечером отец вернулся домой, Лю Хо смутно слышал, как во дворе тот за что-то отчитывает Пчелу. Обычно в такие моменты Пчела не издавала ни единого звука и покорно подчинялась, потупив глаза, словно набедокуривший ребенок. Да и сам Лю Хо вел себя в подобных ситуациях точно так же: всякий раз, когда отец строжился, он либо ложился грудью на книги, напоминая зубрящего канон монаха, либо выходил во двор, усаживался под виноградной рамой и принимался без остановки гладить мягкую шерсть Пчелы. Пчела обожала такие минуты. Немного погодя, загипнотизированная поглаживаниями, она опрокидывалась на землю всеми четырьмя лапами кверху и, глядя на мальчика довольными глазами, вытягивалась в струнку. И пока она млела, Лю Хо превращался в глазах собаки в маленькую черную букашку, настолько мизерную, что можно было и не заметить.

На эту красную рваную рану смотреть было совершенно невыносимо. «Хотелось бы взглянуть на хозяина обидчика. Интересно, чья же это озверелая скотина осмелилась наброситься на Пчелу? Надо бы ее как следует проучить». Подумав об этом, Лю Хо снова присвистнул, и Пчела, словно солдат, подчиняющийся приказу, тотчас поднялась с земли и, как водится, встряхнулась всем телом, выставляя напоказ свою лоснящуюся шерсть. Однако было видно, что сегодня это привычное действие отозвалось сильной болью: собака неожиданно вздрогнула, словно от озноба, и застыла на месте; ее только что задранный кверху хвост понуро обвис.

Глядя на все это, Лю Хо снова раздосадовался. Стиснув зубы, он сказал Пчеле:

– Пойдем-ка, посмотрим на этого храбреца, что готов съесть сердце медведя и печень леопарда.

За воротами сразу начиналась главная поселковая дорога. Эта неширокая улица с обеих сторон была засажена высокими ивами, посредине ее проходила очень узкая асфальтированная полоса. Сюга на север по этой улице располагались зоостанция, медпункт, государственная столовая, мелочная лавка, масляная лавка, центральная поселковая школа и здание поселкового совета. А чуть дальше уже находился автовокзал.

Честно говоря, самым любимым местом в поселке у Лю Хо был как раз автовокзал. Он обожал едкий запах бензина, однако ему еще никогда не доводилось ездить на этих бело-зеленых автобусах. Правда, вместе с собакой он пару раз бросался сломя голову вдогонку, но за этим железным монстром с квадратным рылом не угнаться: минута – и он оставляет вас далеко позади. Тогда-то Лю Хо втайне себе поклялся, что, когда вырастет, обязательно устроится работать на вокзал водителем, чтобы сидеть за рулем этой шумной быстролетной штуковины и колесить по всему свету. А вот Пчела, в отличие от него, на дух не переносила громоздкий железный короб, из зада которого одна за другой вырывались черные ленты копоты. А еще от него воняло керосино-

вой лампой, что превращалось в настоящее испытание для Пчелы, которая тут же принималась чихать.

Людам, увы, недоступна та проницательность, которая имеется у собак. Когда Лю Хо, взяв с собой Пчелу, вышел со двора и направился напрямик по главной улице, та, словно заранее все обдумав, нетерпеливо и радостно побежала впереди. Весь день мальчик не мог собраться с мыслями, в его мозгу царила полная пустота. Едва он увидел вдали устремлявшийся ввысь электрический столб, как вдруг перед его взором возникла девичья нога. И тотчас мысли унесли его в классную комнату, а точнее, под свою парту, и перед ним снова заколыхались белоснежные икры. А ее непередаваемый запах? Откуда он исходил – от повязанного бантом платочка, от красивого платья или от белоснежных нейлоновых носочков?

Лю Хо с усилием сглотнул и угрюмо засунул руки в карманы штанов. Словно самую большую драгоценность на свете, его рука уверенно обхватила рогатку. Эту прочную вещицу он смастерил собственноручно еще два года назад. По точности попадания ей не было равных – как говорится, на сто выстрелов сто попаданий. Если у местного пацана не имелось рогатки, он превращался в безоружного солдата, которого тут же поднимали на смех. Кому-то их делали отцы, для кого-то старались старшие братья, однако Лю Хо в этом смысле полагаться было не на кого, такие дела он всегда решал самостоятельно. К счастью, он уже привык к подобному об-

разу жизни, равно как и к тому, что уже давно обходился без матери. Он нагнулся, подобрал с земли раскалившийся под солнцем камень и закрепил его на рогатке. Обхватив левой рукой рукоятку, большим и указательным пальцами правой руки он зажал обхваченный резинкой камень, затем резко завел предплечье назад, растянув черную резинку. Прищурив глаз, словно солдат перед мишенью, он взял на прицел казавшийся неуязвимым электрический столб. «Бац» – в самое яблочко; из бетонного столба тут же высеклись искры.

В этот момент в ближайшем переулке показались две небольшие фигуры. Они шли своей дорогой и выглядели совершенно беззаботными. Погруженный в свою скуку Лю Хо был от всего отстранен. Он настолько ушел в свои мысли и заботы, что даже такое любимое развлечение, как стрельба из рогатки, сейчас его совершенно не радовало. Он даже не подозревал, что неподалеку вот-вот разразится жестокая драка.

Лю Хо пока что не знал, что семья новенькой, которая недавно приехала в их поселок, поселилась именно в этом переулке. Прежде этот дом вроде как принадлежал семье начальника с пищевого комбината, потом этого начальника за воровство отправили на двадцать лет в лагерь на трудовое перевоспитание. Жена его бросила, развелась и, убитая горем, вместе с детьми подалась в родные края, так что с тех пор дом пустовал.

– Гав-гав! Гав-гав-гав! Гав-гав-гав-гав-гав...

Нарастающий волнами лай наконец-то вернул Лю Хо с небес на землю. К тому времени, как он услышал лай и бросился в переулок, собаки уже успели остервенело сцепиться в клубок. Они терзали друг друга клыками, царапались когтями, их хвосты туда-сюда ерзали по земле, поднимая столб пыли вокруг.

Впервые в своей жизни Лю Хо прямо на улице увидел настоящую немецкую овчарку, по окрасу напоминающую кот-ов лихуа. Хотя по своей конституции она не выглядела столь же мощной, как Пчела, в ее худощавом сложении чувствовались редкая сила и дерзость. И пусть ее формы были лишены округлостей, как у Пчелы, зато они были идеально гармоничны и просты. Казалось, такая удивительная комплектация была не иначе как результатом специальных тренировок. Наверняка ей ничего не стоило с легкостью совершить прыжок через объятый пламенем обруч, или одним махом запрыгнуть на высоченную стену высотой в один чжан⁶, или даже свободно переплыть бурную реку. Короче говоря, Лю Хо, который всю свою жизнь провел в поселке, еще никогда не видел таких удивительных собак с вытянутой мордой и вертикально посаженными ушами.

Пока он соображал, что к чему, собаки окончательно расшвиригались, их следовало сейчас же разогнать, иначе Пчеле наверняка не поздоровится. Вспомнив про ее рваную рану на спине, мальчик тут же почувствовал, как волной в нем

⁶ Мера длины, равная 3,33 м.

поднимается гнев: «Так вот кто это сделал!» До сих пор в их поселке ему не попадалось более свирепого пса. Действовать следовало без промедления. Расцеплять псов голыми руками он не решался, но, чтобы ситуация переломилась, он мог незаметно подсобить своей собаке. Лю Хо коварно поднял с земли камень, быстро заправил его в рогатку и издалека прицелился в злобную овчарку, терзающую Пчелу...

С первым выстрелом он слишком поторопился, к тому же собаки, кусая и цепляя друг друга, крутились в бешеном ритме. Камень лишь задел хвост овчарки и пролетел мимо, так что та даже не обратила на это внимания. Напротив, она ощерилась еще больше и разразилась назойливым лаем.

Это привело Лю Хо в ярость, он тотчас нагнулся и взял второй камень, чтобы повторить попытку. И тут откуда ни возьмись на улицу выскочил мальчик, который все это время следил за происходящим, спрятавшись под тенью соседнего дерева. Его намерения были не совсем понятны: он хотел то ли расцепить собак, то ли остановить Лю Хо, но вышло так, что побежал он прямо навстречу выпущенному из рогатки камню.

Между тем Лю Хо, что называется, пошел ва-банк: на сей раз он энергично оттянул черную резинку так далеко, как никогда прежде, да и снарядом ему послужил не мелкий камешек, а крупный осколок кирпича размером с куриное яйцо. Вылетев из рогатки, он издал странный, устрашающий свист и, как назло, угодил аккурат в лицо бегущему напере-

рез мальчишке.

Все произошло в один миг. Вслед за этим послышалась целая серия сотрясающих всю округу истерических воплей, от которых Лю Хо едва не обезумел. Он увидел, как бедолага, закрыв от боли лицо, беспомощно повалился на землю, его маленькие ножки задргались в пыли. Пока он корчился от боли, сквозь его бледные пальчики хлынула ярко-красная кровь. В одно мгновение на глазах у Лю Хо распускался целый букет красных цветов: один, второй, третий... И вскоре они слились в одно пятно и запылали, словно костер.

Позже, когда они бросились наутек, Пчела наверняка размышляла: «Если бы не хозяин, этой противной псине точно пришел бы конец». Ведь Пчела была уже на волосок от того, чтобы одержать верх, однако тут со своей рогаткой встрял хозяин, а потом Пчела услышала душераздирающий крик какого-то малыша. Тот так орал, что хозяин струхнул и в панике закричал: «Бежим! Бежим! Пчела, мы пропали!»

Над ними нависла беда, давненько такого не случалось. Даже издалека Пчела учуяла запах свежей крови, хотя ее было не так уж много. Несчастный ребенок с окровавленной головой остался лежать при смерти у обочины. Интуиция подсказывала собаке, что дело действительно дрянь, поэтому ей пришлось отпустить противника и против желания побежать за хозяином. Сложно сказать, как долго они мчались, но на шаг перешли, лишь когда поселок полностью скрылся из виду.

Небо слепо погружалось в какое-то пьяное забытье, в воздухе разливался запах жженой травы, позади в тополиной роще слышались похлопывающие звуки: то по-хозяйски пробирался сквозь тополя первый порыв вторгшегося в рощу вечернего ветра. Перепуганные не на шутку мальчик с собакой бежали до тех пор, пока с ног до головы не покрылись потом; когда же силы покинули их, они бочком протиснулись в растущие у дороги заросли сорняков и, забившись в это укрытие, стали тяжело переводить дух.

Темно-синяя высь простиралась далеко вширь и вглубь, время от времени ее пересекала стайка мелких пташек, которые свободно трепетали крылышками, оглашая окрестности звонким чириканьем. Одна из птах, казалось, отстала от других и теперь одиноко размахивала крылышками в надежде догнать сородичей, но эта задача была ей не по силам, поэтому она отставала от стаи все больше и больше...

Однако Лю Хо ничего этого не замечал. Он был весь охвачен жуткой паникой. С самых малых лет он никогда не считался испорченным хулиганом, привык держаться несколько в стороне от компаний сверстников, любил проводить время один и был, так сказать, себе на уме. Рано оставшись без матери, обычно не совершал бездумных поступков и никогда не лез на рожон, однако и бесхребетным не был. Вполне возможно, его закалили непростые семейные обстоятельства. В тот год, когда мать покинула этот мир, мальчику было лет семь-восемь. Осознав детским умишком свое незавид-

ное положение, Лю Хо примирился с судьбой и отныне стал водиться исключительно со своей собакой, считая ее единственным другом.

Теперь он и в самом деле мог общаться только с ней. Очень долгое время ему действительно казалось, что эта рыжая псина понимает его лучше, чем кто бы то ни было. Радовался он, радовалась и она; если у него все валилось из рук, то и собака не находила себе места.

– Эй, хорош уже показывать язык, лучше скажи, как быть дальше? – произнес Лю Хо, поглаживая мягкую шерсть на загривке Пчелы.

Пчела тут же перестала сопеть и лизнула мальчику руку.

– Давай, принимай решение! Куда вдруг подевался твой пыл?

Пчела озабоченно гавкнула в ответ и в замешательстве уставилась на мальчика.

– Может, нам лучше вернуться? Не сможем же мы прятаться вечно...

Все время, пока Лю Хо разговаривал с собакой, душа его была не на месте. Едва он вспоминал несчастного мальчишку, как его невольно бросало в дрожь. В ответ на последнюю фразу Лю Хо Пчела разом выпрямилась и, словно поняв его слова, несколько раз бодро встряхнулась. Потом она гавкнула, да так решительно и смело, словно тем самым говорила:

– Настоящий мужик, если набедокурит, то сам и ответ держит, назад так назад, ну в крайнем случае поколотят, так

что с того.

Но ведь Лю Хо не был собакой. Это у животных все просто: увидел, что к тебе подходит подозрительный или неприятный тип, цапнул его – и все дела, а Лю Хо не мог не переживать. Взять, к примеру, сегодняшний случай. Хотя Лю Хо и зарядил из рогатки в незнакомого пацана, он ни в коем разе этого не хотел. Но кто же ему теперь поверит? Наверняка даже отец усомнится и, недолго думая, залепит ему оплеуху. Лю Хо и правда не собирался убегать или врать, но все произошло столь неожиданно, что он поступил как поступил, попросту растерявшись.

Наверное, все, что сейчас он мог сделать, так это тайно молиться о том, чтобы с ребенком не произошло ничего по-настоящему серьезного.

В поселке детям частенько достается быть подстреленными из рогатки.

Взрослых такие ситуации обычно выводят из себя. Чаще всего в подобных случаях разъяренные родители хулигана хватают его за ухо или за загривок и раболепно ведут к дому обиженного просить прощения. Иногда дело доходит и до прилюдной взбучки, которая длится до тех пор, пока виновный не запросит пощады и какой-нибудь сердобольный сосед из толпы не замнет дело. Но разве детей такое остановит? Если их забавы не кончаются серьезными увечьями, то в большинстве случаев они продолжают проказничать.

Однако на сей раз все было не так просто. И тому имелись две причины. Во-первых, пострадавшему попали прямо в глаз. По словам доктора из медпункта, еще чуть-чуть – и глаз бы вытек. Острый осколок кирпича едва не повредил роговицу. Во-вторых, семья несчастного малыша только что переехала в поселок. Еще не успев ознакомиться с новой обстановкой, люди неожиданно подверглись столь серьезно-му и жестокому нападению. Такого оскорбления никто бы не вынес.

Очень скоро расследование восстановило картину происшествия. Кто-то из живущих в переулке соседей лично наблюдал всю сцену. Осведомитель рассказал, что в тот день,

отобедав, он вышел по нужде и едва переступил порог дома, как увидел дерущихся вдали собак. В одной из них он сразу признал прославленную Пчелу, а кроме того, заметил и Лю Хо, который стоял там же неподалеку и целился из рогатки. Так уж совпало, что другой сосед с главной улицы также видел, что после школы Лю Хо вместе с собакой торопливо выскочил со своего двора и направился в тот самый переулок. Доказательства были налицо, поэтому следующим утром сотрудник из полицейского участка пошел напрямик в школу, но там ему сообщили, что Лю Хо на урок не явился, при этом ни учитель, ни ученики были не в курсе, где он. Поскольку с самого утра он решил прогулять школу, то наверняка куда-то сбежал, спасаясь от наказания.

Потом народ спохватился и направился прямо к нему домой. Отец Лю Хо сперва не мог сообразить, в чем дело. Весь вчерашний вечер он вкалывал на работе, а вернувшись поздно вечером, даже не озадачился вопросом, дома ли сын. Сейчас его неожиданно разбудили. Шаркая зачуханными тапками, этот мужчина с мрачным взглядом и залежавшейся бородой, пошатываясь, вышел на порог, в уголках его заспанных глаз желтели засохшие корочки. Все указывало на то, что Лю Хо после инцидента действительно скрылся. Пчелы во дворе также не оказалось. Очевидно, они убежали вместе.

Впервые в своей жизни Се Яцзюнь заявила во двор Лю Хо. Ее внимание тотчас привлекла обвивающая подпорку пышная виноградная лоза. Классный руководитель попро-

сил старосту-активистку, чтобы та оказала содействие и отправилась к Лю Хо вместе с новенькой. Со всей серьезностью он наказал девочке:

– Иди и выведи этого негодяя на чистую воду, он нанес увечье твоему брату, и мы не можем оставить его безнаказанным.

Младший брат Се Яцзюнь едва не ослеп на один глаз. Практически целую ночь они с матерью провели без сна. Несмотря на обходительность врача, который, помимо перевязки, сделал мальчику противовоспалительный укол и дал обезболивающее, ребенок едва не лез на стенку от боли и почти до самого утра плакал навзрыд. Его туго перебинтованная голова пугала своими размерами.

На секунду оторвавшись от тяжелых мыслей, Се Яцзюнь снова опечалилась. Виноградная лоза ее больше не интересовала. А вдруг бы ее брат действительно лишился глаза, что бы они тогда делали?! Однако мать знай себе жаловалась на мужа, злобно повторяя:

– Связалась с твоим отцом и испортила себе всю жизнь!

Однако девочка никак не реагировала, давно привыкнув к нескончаемым жалобам матери.

Из центрального города провинции их семья добиралась сюда на перекладных. Сперва они погрузились на армейский грузовик и всё куда-то ехали, ехали, пока вдруг на полпути грузовик не заглох. Как бы бодро водитель ни шевелил рукояткой, стоя перед кузовом, машина так и не завелась. В итоге

им пришлось просить местных крестьян, чтобы те одолжили им лошадь с повозкой. Можно сказать, они с лихвой познали все тяготы путешествия. Неудивительно, что мать без конца винила всех и вся. Однако отец всегда с оптимизмом повторял: «Революционер – это кирпич; куда ему скажут, туда он и поедет». Следуя этому правилу, он безоговорочно подчинился приказу начальства, и в результате ей вместе с младшим братом и матерью без всякого права голоса пришлось перебраться в этот небольшой, размером со спичечный коробок, поселок.

Сам отец, вопреки изначальным планам поехать всем вместе, в целях экономии времени на полпути от поселка изменил свой маршрут и направился напрямик на стройплощадку в нескольких десятках километров от поселка, где днем и ночью кипела трудовая битва. Поговаривали, что там собираются возвести мощную плотину, поскольку из-за реки, что каждые лето и осень выходила из берегов, вниз по течению на краю гибели оказывались более тысячи семей и несколько десятков тысяч му⁷ крестьянских земель. Как только отец покинул ряды армии, указанием свыше его тотчас перевели на этот объект в качестве руководителя. Раньше он состоял на службе в инженерных войсках, отвечавших за строительство мостов, в этом была его сильная сторона. Кроме того, Се Яцзюнь слышала разговоры родителей о том, что в стране вот-вот начнется кампания по призыву масс для борьбы со

⁷ Один му – мера земельной площади, равная 666,7 м².

стихией, чтобы с их помощью развернуть работу по созданию гидротехнических сооружений. Зачем же строить плотины на зажатых между гор реках? Да затем, чтобы во время бурного паводка возведенные из железобетона дамбы держивали в этих природных впадинах большой объем воды, которую потом можно было бы использовать на полях во время засухи. Отец не без гордости замечал, что это называется «безграничная радость борьбы с небом, безграничная радость борьбы с землей и безграничная радость борьбы с водой». Одним словом, разговоры на подобные темы неизменно радостно будоражили его душу. Слушая его, Се Яцзюнь понимала далеко не все, мать обычно хмурилась и потом еще долго была не в духе, и только ее братец Ячжоу беззаботно ластился к родителям и все смеялся и галдел, не зная усталости.

Помнится, в тот день перед тем, как они расстались, отец наказал Се Яцзюнь:

– Хорошенько учись и как следует заботься о братишке, никому не позволяй его обижать.

С этими словами отец вдруг присел на корточки, одной рукой сгреб и прижал к себе Ячжоу, другой потрепал хвост пса:

– А Ячжоу должен обязательно слушаться маму и сестру и быть послушным мальчиком, а еще ему нужно хорошенько следить за нашим Танком.

Мальчик простодушно закивал и тут же спросил:

– А что делать, если Танк не будет слушаться?

Отец захохотал и, потирая щетинистым подбородком пухлую щеку сына, с полной уверенностью ответил:

– Танк – хорошая служебная собака, и, если к нему правильно относиться, он непременно будет соблюдать дисциплину и охранять дом.

Сказать по правде, Се Яцзюнь совсем не нравилась эта кличка собаки. Танк. Как-то странно и жестко, одним словом, топорно, хотя, возможно, таково было ее девчачье восприятие. Зато из уст младшего брата, который целыми днями только и делал, что окликал «Танк, Танк», эта кличка звучала вполне себе по-дружески, словно они были прекрасными товарищами. Се Яцзюнь понимала намерения отца – ведь, заведя дома собаку, он мог надеяться, что сын по крайней мере не будет чувствовать себя одиноким. Собака была для ребенка лучшим другом.

...Сейчас Се Яцзюнь больше всего поразило то, что в стоявшем перед ней мужчине она узнала человека, что еще вчера так услужливо помогал им перетаскивать вещи! Еще большей неожиданностью стало то, что он являлся отцом набедокурившего мальчишки! Осознав все это, она вдруг пришла в замешательство, после чего ее охватило странное смущение. Только что переполнявшие ее негодование и чувство собственной правоты практически полностью куда-то испарились.

Как странно! Почему как нарочно именно он? Ее душа

отказывалась понимать, почему в этом новом месте, где и поселок, и школа, и учителя, и одноклассники показались ей совершенно чужими, сыном человека, который единственный из всех протянул им руку помощи, оказался мальчишка, так бесчеловечно ранивший ее брата. Во всяком случае, любому человеку было бы слишком сложно принять такое; она же со своим небогатым жизненным опытом и подавно не знала, как на все это реагировать.

– Вот скотина! Вот это преподнес отцу подарок! Если ума хватит, то домой пусть даже не возвращается, а осмелится вернуться, так я вмиг спущу с него его собачью шкуру! Эх, и за что мне такое наказание...

Ругаясь на чем свет стоит, мужчина вдруг стал похож на загнанного в угол дикого зверя, которому только и оставалось, что рычать. Его возгласы становились все громче, он распалялся все сильнее. У собравшихся вокруг односельчан от его гнева душа уходила в пятки, но ничего поделать тут было нельзя. Кому охота вмешиваться в чужие дела при таком раскладе? Его как могли успокаивали, не выбирая слов, лишь бы только утихомирить. Самое лучшее в такой ситуации было отыскать мальчика, а уж потом со всем разобраться.

Покидая дом Лю Хо, Се Яцзюнь не удержалась и снова украдкой бросила взгляд на мужчину. На его озабоченном лбу вздыбились вены, напоминавшие вяло шевелившихся дождевых червей. Вдруг дерзкой вспышкой полыхнул сол-

нечный свет, ослепительной белизной высветив изящную виноградную лозу. Казалось, ее ползучие листья лишились последних капель влаги, понурившись, они выглядели измученными от жажды и постаревшими.

После того как спустились сумерки, тот мужчина с мрачным лицом опустив голову нерешительно вошел в дом, где поселилась семья Се Яцзюнь. Он обыскал практически все места, что пришли ему на ум, однако ни сына, ни Пчелу так нигде и не обнаружил. Единственное, что он мог сделать, так это скрепя сердце явиться с повинной, захватив с собой синюю авоську, из которой выглядывали две банки консервированных мандаринов, два цзиня⁸ рассыпчатого печенья да пакет бурого сахара. Все это он принес в качестве хоть какого-то утешения пострадавшему и остальным домочадцам.

Мать все это время едва сдерживала гнев. Брат Се Яцзюнь лежал на кровати в дальней комнате и периодически стонал, являя собой самое жалкое зрелище. Вся мебель и предметы в доме были окутаны темнотой, и тут и там вразнобой стояли еще не разобранные коробки и шкафы. При переезде это обычная картина – вместо гармонии и порядка везде царит создающий неудобства бардак. Какое-то время мать упорно продолжала молчать, сосредоточив все свое внимание на содержимом коробок. Всякий раз, когда она вынимала какую-нибудь вещь, она долго рассматривала ее с таким

⁸ Китайская мера веса, равная 500 г.

видом, что думалось: конца и краю этой уборке не видно; когда же она все-таки куда-либо определяла предмет, то шваркала им так, что заставляла окружающих вздрагивать от испуга.

Сама не понимая почему, Се Яцзюнь отложила в сторону учебник и вышла к гостю предложить чаю. Однако отец Лю Хо даже не осмеливался дотронуться до белой фарфоровой чашки. Беспомощно опустив руки, он пристроился у стола на самом краешке табурета и все что-то несвязно бормотал о проступке сына-хулигана. Неожиданно его голос взмыл высоко вверх, словно в злобном порыве он забыл, что вокруг него люди; при этом вид у него был настолько свирепый, что, казалось, он вот-вот на кого-нибудь набросится и съест.

– Вот же скотина, даром что мой сын...

Из комнаты резко, словно гудок паровоза, снова заголосил мальчик, которого наверняка напугал хриплый крик незнакомца. С тех пор как Ячжоу получил увечье, он был весь как натянутая струна. Малейший шорох вызывал у него панику. Мать снова чем-то громко ударила о стол и раздраженно проворчала:

– Ты совсем оглохла? Неужели не можешь пойти и успокоить брата? Он вот-вот задохнется от плача!

Без всяких пререканий Се Яцзюнь послушно и огорченно отправилась в комнату к брату. Склонившись над кроватью, она осторожно погладила ребенка по худенькому тельцу и, прослезившись, принялась его успокаивать:

– Крошка Ячжоу, нельзя плакать! Будешь плакать, глазик не заживет, надо лежать смирненько, тогда все быстро пройдет!

Но брат продолжал капризничать, рыдая и выкрикивая что-то невнятное, словно находившийся в забытии раненый боец. В уголках его рта виднелись засохшие следы слюны. Девочка взяла ложку и осторожно напоила его водичкой. На душе у нее было тяжело: ведь она лично обещала отцу, что будет хорошенько заботиться о брате. Теперь же, глядя, как страдает несчастный ребенок, она чувствовала себя совершенно беспомощной. Это разом вызвало у нее приступ ненависти к Лю Хо, и она подумала: «Даже не попадайся мне на глаза, иначе получишь по заслугам».

– Гав, гав, гав! – раздался настороженный лай Танка. В сумерках вдруг повеяло холодом. После несчастного случая мать яростно схватила веревку и крепко-накрепко привязала Танка во дворе. Теперь, потеряв свободу, он или тоскливо выл, или, натягивая веревку изо всех сил, остервенело лаял. Се Яцзюнь было жаль пса, однако мать, задыхаясь от злости, выпалила:

– Отныне даже не смейте его отпускать!

Говорят же, что собаки все понимают. Возможно, Танк просто почувствовал, как плохо мальчику, а потому и проявил беспокойство.

Его лай прозвучал словно намек на то, что гость засиделся. Мужчина забеспокоился, быстро поднялся со своего ме-

ста и суетливо распрощался. Се Яцзюнь слышала, как мать непреклонным тоном попросила гостя забрать все гостинцы обратно, однако тот снова и снова умолял принять их, настаивая, что принес их от чистого сердца. Они еще долго препирались, упрямо твердя каждый свое.

Устав слушать всю эту канитель, Се Яцзюнь вышла из комнаты и многозначительно протянула:

– Мам...

Она и сама не могла понять, что с ней. Ведь, помогая этому мужчине, она вроде как пыталась уладить дело миром. Но вот зачем она ему помогала? На душе у нее, словно спутанная веревка, была полная сумятица. Будь перед ней в эту минуту Лю Хо, то, возможно, она вела бы себя совсем иначе. Она непременно должна расспросить его обо всех деталях. А вдруг взрослые обвиняют его напрасно? Она пребывала в полной растерянности, и пока все не выяснилось окончательно, ей не хотелось так категорично осуждать и обвинять людей, тем более что еще недавно этот мужчина совершенно бескорыстно помогал их семье.

Вскоре после того, как ушел отец Лю Хо, на улице снова раздался настороженный лай собаки.

Во двор, опасливо ступая, вошла стройная, фигуристая женщина. Она вся приятно благоухала кремом. Явилась без приглашения, но вела себя вполне по-свойски, словно старая знакомая или соседка. Оглядевшись по сторонам, она остановила любопытный взгляд на Се Яцзюнь.

– Ой, какое же на тебе красивое платье, ни дать ни взять киноактриса. Наверняка мама тебе сшила, вот это мастерица!

С этими словами женщина неожиданно протянула руку и беспардонно схватила девочку за подол. Помяв на пальцах ткань, она оценивающе уставилась на нее, словно принимала решение у магазинного прилавка. Се Яцзюнь стало как-то не по себе. При этом она как могла заслоняла собою Танка. Незнакомка воспользовалась моментом и проскользнула в дом, не преминув проворчать:

– Какая у вас злобная собака, наверняка и кусается как волк. Такая напугает до смерти, такую надо привязывать как следует.

Вторжение незваной гостьи прервало домашние дела матери. На самом деле она собиралась продолжить бесконечный разбор вещей, но, делать нечего, пришлось остановиться. Женщина представилась, назвавшись сестрицей Хуа из соседнего дома. Она просто проходила мимо и решила заглянуть. И тут же заверила, что впредь к ней можно свободно обращаться по самым любым вопросам, мол, дело житейское, она придет по первому зову. Продолжая точить лясы, сестрица Хуа туда-сюда прохаживалась по комнате, лапая то одно, то другое. Заметив в серванте какую-нибудь безделушку, она алчно распахивала свои раскосые глаза и принималась, цокая языком, расхваливать ее на все лады. Мать, глядя на ее поведение, не знала, что и сказать. Жалкий плач ре-

бенка погасил пылкое любопытство бесцеремонной гостьи, возвратив ее к реальности.

– Ой, дай-ка мне взглянуть на бедняжку. Подумать только, какое наказание!

Не получив от матери никакого разрешения, сестрица Хуа тем не менее протиснулась в комнату, чтобы посмотреть на брата Се Яцзюнь. Улучив момент, мать обернулась и сурово уставилась на Се Яцзюнь, словно укоряя: как она вообще пустила на порог эту женщину? Се Яцзюнь лишь высунула от удивления язык, чувствуя какое-то непонятное удовольствие: по крайней мере приход соседки хотя бы на время переломил настроение сегодняшнего вечера: в противном случае мать и дальше продолжала бы брюзжать. Как говорится, если женщина не в духе, она может копошиться по хозяйству как заведенная, словно решив за одну ночь переделать все дела в своей жизни.

Сестрица Хуа, чувствуя себя словно дома, приблизилась к кровати, деловито осмотрела малыша и успокаивающе залопотала:

– Не бойся, не бойся, ничего страшного, крошечка, у деток кожа нежная, обновляется быстро, скоро все заживет и следа не останется.

На самом деле глаза мальчика были перевязаны с такой тщательностью, что кроме ноздрей и нижней части личика разглядеть что-либо вообще было невозможно. Затем женщина вынула откуда-то из кармана янтарного цвета пузырек

и, передавая его матери, сказала:

– Это юньнаньский порошок⁹, спасенье от всех бед. В нашем поселке его ни за какие деньги не купишь. Смажь им рану, и ручаюсь, все сразу пройдет.

Это лекарство было так кстати! На какой-то миг мать опешила, сомневаясь, стоит ли ей принимать столь щедрый подарок: ведь еще секунду назад она мечтала выдворить эту женщину. На сей раз их переезд проходил в такой спешке, что многие вещи им пришлось запихивать абы как, поэтому теперь быстро найти среди них что-то нужное было проблематично.

Не дожидаясь, пока мать ответит что-либо, Се Яцзюнь протянула руку, взяла лекарство и несколько раз повторила:

– Спасибо, сестрица Хуа.

К ее удивлению, женщина заливисто рассмеялась. Смех ее звучал настолько звонко и разнузданно, что, казалось, отзывался в крыше и балках дома, с них даже посыпалась залежалая пыль.

– Ха-ха-ха, милая моя глупышка, как ты меня только что назвала? Тебе следует называть меня тетей, а «сестрица Хуа» я для твоей матушки! – сказав это, она тут же добавила: – Вы теперь с моей дочкой учитесь в одном классе.

Щеки Се Яцзюнь тут же зарделись пуще яблок сорта «Красный маршал», девочка нервно затеребила подол пла-

⁹ Запатентованное в 1902 г. известное лекарство китайской медицины, обладающее кровоостанавливающим и болеутоляющим действием.

тъя. Мать наконец-то проявила учтивость, как-никак гостъя пришла к ним с самыми лучшими намерениями. Она тут же напустилась на Се Яцзюнь:

– А ну-ка, быстро завари для тети чай с сахаром! Чего встала как вкопанная?

С тех пор эта женщина, попросившая Се Яцзюнь называть ее «тетей Хуа», стала заглядывать к ним чуть ли не через день. Что до матери, то она в ее лице обрела человека, с которым можно было по крайней мере поговорить и прогнать скуку. Следует понимать, что в этот период мать как никогда нуждалась в человеке, который бы помог ей развеять одиночество. Немного позже Се Яцзюнь выяснила, что эту сестрицу Хуа прекрасно знает весь поселок. За глаза все называли ее «цветком-граммофоном», ведь, с одной стороны, в ее настоящем имени имелся иероглиф «цветок»¹⁰, а с другой – у нее был нетерпимый к чужим недостаткам язык. Так что если в поселке во время свадеб или похорон случались какие-нибудь скандалы, то эта правоборница непременно была о них в курсе.

Из детей у сестрицы Хуа была лишь дочь, официальное имя которой звучало как Бай Сяолань, и училась она в школе средней ступени¹¹ в одном классе с Се Яцзюнь. Это была чернявая тощая девочка, щеки которой покрывала россыпь

¹⁰ В китайском языке цветком-граммофоном называют петунью, которая напоминает его по форме.

¹¹ Школа, в которой обучаются дети от 12 до 14 лет.

выразительных конопушек, будто она украдкой ела кунжут, нечаянно прилипший к ее лицу. Бай Сяолань страдала от заикания, особенно когда говорить приходилось на публике. В этом отношении ей было далеко до бойкой языкастой матери, и казалось очень странным, что она являлась ее родной дочерью.

Новость о том, что отец Лю Хо отправился на поиски сына, также растрезвонила сестрица Хуа.

В один из своих визитов она вдруг опустила свои тонкие веки и, тяжело вздохнув, сказала:

– Посудите сами, отцу и сыну и так-то жилось несладко, а тут еще такая неприятность. Мальчишка от испуга сбежал невесть куда, а отцу только головная боль. Этот горемыка один отправился на поиски, а народу-то у нас тьма. Вдруг не найдется мальчишка, что тогда делать?

По ее тону можно было подумать, что это семья Се Яцзюнь виновата в случившемся, что им вообще не следовало переезжать в их поселок, поскольку их внезапное появление разом разрушило царившие здесь мир и спокойствие. Настроение у матери в тот день и без того было мрачным, поэтому она ушла от ответа, воздержавшись от каких бы то ни было комментариев. Возможно, она просто не хотела портить отношения с соседкой, знакомство с которой свела буквально несколько дней тому назад.

Большинство жителей поселка прекрасно понимали: раз уж сестрица Хуа чуть ли не дважды в день бежит к дому Лю Хо, то ее новости – самые свежие. Говорят, что когда-то, до замужества, она была по уши влюблена в отца Лю Хо, но волею судьбы, по велению родителей и по неудачному стечению обстоятельств, сойтись им так и не удалось. В итоге она вышла замуж за шахтера, который уже долгие годы жил за счет того, что добывал уголь. Как-то вечером во время очередных посиделок с матерью Се Яцзюнь сестрица Хуа вдруг пожаловалась, заметив, что вся ее жизнь пошла по «угольной» полосе: мало того что живет с углекопом, так еще и дочь уродилось чернавкой!

Эти ее слова услышала корпевшая в соседней комнате над учебниками Се Яцзюнь. С одной стороны, ей стало смешно, а с другой – необъяснимо грустно за Бай Сяолань. С тех пор как мать Бай Сяолань заявила к ним в дом провести младшего брата и вдобавок великодушно отдала полфлакончика юньнаньского порошка, Се Яцзюнь стала больше уделять внимания этой молчаливой одинокой девочке. Если на перемене подворачивался случай, она непременно подходила к Бай Сяолань, чтобы поговорить, а заодно расспросить о школе. Поначалу смуглая худенькая одноклассница ее избегала, стараясь держаться на расстоянии. В ее глазах вспы-

хивал робкий огонек, а фиолетово-черные губы сжимались изо всех сил; она боялась, что если раскроет рот, то ее тут же поднимут на смех.

Мало-помалу Се Яцзюнь поняла, что Бай Сяолань страдает комплексом неполноценности. Ее отец и правда работал на угольной шахте, и хотя дома он появлялся не чаще чем два раза в год, зато едва ли не каждый месяц высылал семье деньги, письма или передавал с оказией что-нибудь из вещей, поэтому в поселке их семья считалась достаточно зажиточной. Об этом можно было судить и глядя на то, как одеваются и питаются Бай Сяолань и ее мать. Однако все это, похоже, не давало Бай Сяолань повода чувствовать себя всецело обеспеченной. Как раз наоборот: из-за того, что круглый год рядом с ней не было папы, эта девчушка часто углублялась в свои грустные мысли. К тому же из-за слишком смуглой от природы кожи, а также из-за давней проблемы с заиканием она то и дело попадала в неловкие ситуации.

Однажды на уроке родной речи учитель решил проверить, как ребята выучили заданное на дом стихотворение. При этом он предупредил, что любого, кто не прочтет наизусть написанные вождем строки, выставит вон из класса стоять в наказание за дверью. Се Яцзюнь все вызубрила назубок, декламация давалась ей легче всего. Однако прежде чем она успела встать и прочесть стих, учитель вдруг нарушил очередность и вместо Се Яцзюнь вызвал съезжившуюся Бай Сяолань. Учителя – они такие, их прозорливые глаза четко вы-

бирают именно тех, кто волнуется больше всего. Они похожи на полицейских, которые сперва допрашивают таких, кто кажется им подозрительными.

Се Яцзюнь видела, как сидевшая рядом с ней Бай Сяолань медленно поднимается с места. Из-за того, что вызвали ее неожиданно, она от волнения еще сильнее потемнела лицом и стала совсем безобразной. Несколько раз она с трудом впустую открывала рот; едва ей удавалось хоть что-то произнести, как наступала вынужденная пауза. Словно смазанные крепким клеем, слова никак не хотели покидать ее горло. Как сильно она ни старалась, ничего у нее не получалось. Сперва одноклассники зашушукались, затем их разрозненные шушуканья переросли в громкий, дружный смех и издевки. Бай Сяолань выглядела совсем смущенной и беспомощной. Единственное, о чем она мечтала, так это провалиться сквозь землю, в глазах ее уже блестели слезы, готовые вот-вот закапать на парту.

Се Яцзюнь внимательно наблюдала за ситуацией. Ей бесконечно противно было смотреть на всеобщее злорадство, а еще противнее было то, что дети смеялись над чужими недостатками, забавляясь за счет страданий других. Долго не раздумывая, она рывком поднялась.

– Учитель, разрешите сказать! Мы с Бай Сяолань живем по соседству, вчера вечером мы готовились к уроку вместе, и я гарантирую, что она все выучила наизусть, просто сейчас немного волнуется.

На какой-то момент учитель опешил, посмотрел на нее, потом на Бай Сяолань, но в глазах его по-прежнему витала тень сомнения. Однако, ставя общие интересы превыше всего, он сказал:

– Тогда читай ты. Сделаешь хоть одну ошибку – за дверь пойдете обе.

Разумеется, она прочла стихотворение легко и свободно. Она не только вложила в него всю душу, но еще и ни разу не запнулась, однако учитель все равно отправил ее стоять за дверью вместе с Бай Сяолань. В качестве довода он заявил, что Се Яцзюнь должна сама прекрасно все понимать. Но ей было все равно. Более того, ей казалось, что и учитель прекрасно понял – она просто решила заступиться за подругу. По крайней мере, при сложившихся обстоятельствах она не могла молчать, словно бревно, поскольку чувствовала, как сильно эта девочка нуждается в поддержке.

Итак, в тот день Се Яцзюнь и правда на пол-урока отправилась за дверь вместе с Бай Сяолань. Сперва девочки не разговаривали, а лишь спокойно стояли бок о бок и смотрели на спортплощадку, следя за летавшими туда-сюда озорными воробьями. Они наблюдали, как подрагивают на кронах тополей листья, как плывут по небу похожие на коров и лошадей облака. Все это вызывало такое умиротворение и любопытство, что обе девочки унеслись своими мыслями далеко-далеко.

Бай Сяолань первая повернула лицо к Се Яцзюнь и по-

смотрела ей прямо в глаза. Ее извиняющийся взгляд был преисполнен признательности. Се Яцзюнь в ответ игриво высунула язык и сказала:

– Со мной такое впервые, чтобы взять и при всех соврать. Хотя это совсем не обман: я более чем уверена, что ты могла рассказать этот стих, если бы не волнение.

Едва она произнесла эти слова, как копившиеся в глазах Бай Сяолань слезинки выросли до невероятных размеров и наконец выкатились наружу.

Сделав вид, что ничего не заметила, Се Яцзюнь принялась слово за словом заново читать стихотворение вождя. Закончив первую фразу, она сделала паузу и выразительно посмотрела на Бай Сяолань, движением подбородка подначивая ее продолжать. Девочка сжала губы, после чего наконец произнесла вполне членораздельные слова, которые напоминали лепет только что научившегося говорить малыша, разве что голос ее звучал чуть тише.

Тем же манером, подхватывая фразы друг у друга, девочки повторили практически все, что задавали им учить раньше. Наконец, не в силах вспомнить что-то еще, они не сдержались и дружно расхохотались. И смех этот прозвучал настолько неожиданно и звонко, что обе стыдливо зарделись.

В этот миг Се Яцзюнь оценила, насколько красивая у Бай Сяолань улыбка. Как бы это лучше выразиться? Ее улыбка обладала особой притягательной силой, искренняя, щедрая и, что называется, с изюминкой. В ней не было пустого,

небрежного зубоскальства, в этой улыбке проступала глубокая осмысленность. Подобно радуге после дождя, она привлекала внимательные взгляды. Другими словами, Се Яцзюнь поняла, что такую улыбку Бай Сяолань не каждому суждено увидеть; она прорывалась и расцветала лишь при условии полного доверия и искренней симпатии, удивляя своим обаянием. Даже спустя несколько лет, когда многое изменилось, Се Яцзюнь вдруг неосознанно вспоминала Бай Сяолань и ее славную улыбку. В такие моменты ей казалось, что даже мелкая россыпь конопушек на ее лице смотрится более чем мило.

После этого особого случая девочки сблизились еще больше, и вполне естественно, что их дружба стала крепнуть день ото дня. В школу они теперь ходили только вместе. После уроков, разговаривая и смеясь, также покидали класс парочкой. Их отношения дошли до того, что почти каждый вечер или Бай Сяолань приходила к Се Яцзюнь, чтобы вместе подделать уроки, или Се Яцзюнь шла к Бай Сяолань, чтобы провести время с подругой. Что касается Се Яцзюнь, то в компании Бай Сяолань это незнакомое место перестало казаться ей таким заброшенным и неприятным.

Очень скоро в их классе стали ходить сплетни:

– Бай Сяолань и Се Яцзюнь – сообщницы!

– Бай Сяолань и Се Яцзюнь выгораживают друг друга!

Дошло даже до того, что какой-то поганец взял мел и крикучим почерком написал всю эту ахинею на стене школь-

ного туалета.

Случайно обнаружив эти художества, Бай Сяолань так возмутилась, что опрометью бросилась в класс, схватила перочинный ножик для отточки карандашей, после чего ворвалась в туалет и яростно соскребла со стены все надписи.

Се Яцзюнь, узнав об этом, от души рассмеялась. Она стала убеждать подругу, что так уж устроены люди. Пусть каждый говорит что хочет, как говорится, из грязных ртов льется грязное, а из чистых – чистое. К чему вообще обращать внимание на всяких паршивцев? Замкнутая и к тому же косноязычная от природы Бай Сяолань искренне восхищалась Се Яцзюнь.

Ячжоу постепенно шел на поправку.

Как-то раз, придя к подруге домой повторять уроки, Бай Сяолань с загадочным видом принесла с собой небольшую картонную коробку. Когда же она открыла крышку, там оказался беленький кролик, живой, совсем крошечный, размером с два кулака, пушистенький, чистенький. Особое умиление вызывали его маленькие красные немигающие глазки, которые приводили окружающих в щенячий восторг.

– Я-Ячжоу, – заговорила Бай Сяолань, – если бу-будешь слушаться сестру и пе-перестанешь тро-трогать лицо, э-этот кролик станет твоим.

Услышав это, мальчик вдруг подпрыгнул на кровати и, подскакивая снова и снова, радостно завопил:

– У меня появился кролик! У меня появился кролик!

Тогда Бай Сяолань протянула ему мизинец и произнесла:

– То-тогда давай по-поклонимся¹².

Мальчик не колеблясь живо протянул мизинчик и крепко зацепил его за мизинец Бай Сяолань. Се Яцзюнь очень оценила этот поступок Бай Сяолань, ведь, с одной стороны, девочка угодила ребенку, а с другой – помогла решить ей насущную проблему.

Однако сейчас Се Яцзюнь больше беспокоил даже не брат; она тревожилась за мать. Прежде отец вполне ясно пообещал матери, что как только дождется прибытия на строительство дамбы людей и наладит там работу, он сразу же на несколько дней приедет к ним в поселок. Ну а самое главное, он должен был привезти с собой заверенное красной печатью рекомендательное письмо из соответствующей инстанции, которое помогло бы маме устроиться на работу. Однако пролетело уже почти два месяца, а отец все еще медлил с приездом. Вздохи об отце из уст матери долетали до ушей Се Яцзюнь едва ли не каждую ночь. Помнится, еще до переезда в маленький поселок мать несколько раз ссорилась по этому поводу с отцом, и практически всякий раз это заканчивалось ее слезами. Отец всегда спорил с ней, начиная говорить официальным тоном, так что уже тогда Се Яцзюнь смутно догадывалась: как отец скажет, так и будет.

¹² У китайцев сплетение мизинцев правых рук используется как один из способов дать клятву друг другу.

Днем Се Яцзюнь уходила в школу, мать же была привязана к больному сыну и потому вынуждена была оставаться в их новом доме. Хотя новым он являлся лишь на словах, на самом деле он выглядел совсем старым и обветшалым. Вся его кровля, словно карта мира, была покрыта множественными отметинами от протечек, углы отсырели, пол покрылся белыми разводами, от стен повсюду отваливалась штукатурка, дверное окошко частично разбилось, и, пока его не заменили, дыру пришлось затянуть полиэтиленом. Хотя к дому прилагался еще и сад, весь он по пояс зарос сорняками, превратившись в излюбленное логово комаров. Два-три плодовых дерева, что росли в этом саду, не очень-то радовали глаз: пока стояла жара, они лишились больше половины листьев. Каждое утро мать тщательно выметала двор, но уже к вечеру он покрывался новым слоем листвы. Обиды матери копились изо дня в день: она досадовала и на непослушного сына, и на неумеху дочь, от которой не было никакого проку. Она вздыхала о своей горькой судьбе, жалея, что купилась на сладкие речи мужа и очертя голову уехала на мучения в этот всеми забытый медвежий угол, где, как говорят в народе, даже зайцы не гадают.

Кстати, о говешках: выгуливать теперь нужно было не только Танка, но еще и того самого кролика, в котором ее брат души не чаял. Мать не позволяла детям выводить Танка за пределы двора, а сыну так и вовсе запретила высовывать нос на улицу. В итоге из-за наложенных Танком куч у них

во дворе смердело, что называется, до небес. Мать, глядя на такое безобразие, выходила из себя и ругалась: «Твой отец о людях-то позаботиться не может, а еще собаку завел, которая, наверное, вместо него должна решать тут все дела». Се Яцзюнь понимала, что мать ужасно рассержена, поэтому, вернувшись после школы, первым делом вооружалась веником с совком и принималась за уборку. Чистюля от природы, она с трудом заставляла себя проделывать эти тошнотворные вещи, но деваться-то было некуда. Все из-за этого Лю Хо! Если бы не он, братец каждый день выгуливал бы Танка на улице, а теперь все эти неприятные заботы легли на ее плечи.

К счастью, у них во дворе росло много всякой травы. Чего тут только не было: и подорожник, и полынь, и одуванчики, и чернобыльник, и куриное просо. С тех пор как мальчик обзавелся своим пушистым сокровищем, он стал трудолюбивым и умелым. Тайком от матери он, словно сурок, проскальзывал в дворовые заросли и принимался маленькими ручонками пучок за пучком выдергивать траву, которую потом уносил скормливать живущему в картонной коробке кролику. Тут еще и Бай Сяолань подначивала: мол, если хорошо будешь кормить, то кролик совсем скоро станет пушистым, толстеньким и милым. Пока кролик уплетал угощение, малыш тихонько пристраивался рядом. Подперев кулачками пухлые щеки, он выглядел очень сосредоточенно и в то же время умильно. В такие моменты Се Яцзюнь про себя думала: «Ни дать ни взять юный специалист по разведению

кроликов в Новом Китае».

За один раз кролик съедал очень много, а потому и рос он на удивление быстро. Всего за какие-то несколько дней он увеличился вдвое, так что в маленькую коробочку уже не вмещался. Как-то на рассвете брат как обычно, едва открыв глазки, поднялся с постели и пошел проведать свое сокровище. Однако коробка оказалась смятой, крышка с нее слетела, а внутри, за исключением кучки чернехоньких горошин, было пусто.

Малыш заголосил во все горло, да так громко, что казалось, их дом вот-вот обвалится и уйдёт под землю. Занявшись поисками кролика, он не переставая кричал: «Крольчонок, крольчонок, мой малыш...» Мать, ничего спросонок не соображая, одурело открыла один глаз и сквозь сон попросила Се Яцзюнь сбегать посмотреть, что стряслось. Се Яцзюнь тут же встала и поспешила к брату. На его зареванном лице не осталось сухого места, что называется, бурные ручьи слились в Хуанхэ. Смотреть на него было и больно, и смешно. Она вынула платок и принялась утирать ему слезы.

После этого они уже вместе обыскали весь двор, но следов кролика так и не нашли.

Малыш продолжал рыдать, но, как бы он ни убивался, мать не обращала на него особого внимания.

– Нашел о ком горевать, о кролике куцехвостом, да и не твой он вовсе, – как могла успокаивала его мать. – Хватит уже! Пропал так пропал, меньше хлопот будет. Лучше о со-

баке своей как следует заботься.

Однако малыш, задрав голову, орал еще громче:

– Это не считается, я хочу кролика, верните мне кролика!

Зайдясь в истерику, он повалился на землю и капризно заколотил ногами. Глядя на выходку сына, мать изменилась в лице и сама резко завопила:

– Ты вообще соображаешь, что на тебе одежда, а не ослиная кожа, кто ее беречь будет? Вот порвешь штаны, я зашивать их не буду!

Се Яцзюнь боялась, что если мать заведется с утра пораньше, то тогда уж начнет выпускать пар на всех подряд, не забыв и про отца. Поэтому она быстро подхватила брата на руки и вынесла со двора, приговаривая:

– Ячжоу, будь пайнькой, пойдем лучше поищем кролика на улице, хорошо?

Эти слова немного успокоили малыша, и он тут же вскарабкался ей на закорки, пока она не передумала.

В это тихое свежее утро девочка, молча взвалив на спину уже выздоровевшего братишку, впервые в столь ранний час покинула двор.

Из переулка брат с сестрой вышли на главную улицу. Почти все лавки были закрыты, из ближайших дворов не доносилось ни звука. С верхушек веток, что возвышались над стенами дворов, уже свисали крупные завязи яблок и груш, капельки росы нежно обволакивали еще зеленые плоды. Когда они поравнялись с двориком, в котором на высокой стойке вились виноградные лозы, братик вдруг соскользнул с заборка сестры и попросился пописать. Сестрица легонько ткнула его в лоб подушечками пальцев и пожурила:

– Ах ты ленивец, вечно все копишь в себе до последнего.

С этими словами она указала ему на деревце у дороги. Малыш послушно стянул штанишки, чтобы сделать свои дела. Повернувшись в сторону дворика, укрытого изумрудно-зеленой листвой, девочка вдруг ощутила какую-то подавленность. Это чувство появилось у нее бессознательно и застигло врасплох. Машинально она сделала вперед несколько шагов, затем протянула руку и наудачу толкнула створку ворот, обитых неокрашенным листовым железом. Раздался скрип, и дверь широко подалась внутрь. Дворик, в который недавно она уже заходила, полностью открылся ее взору.

Выложенная кирпичом дорожка, что вела от ворот к дому, была сплошь укрыта пожелтевшей листвой; внизу у стены стоял перевернутый вверх дном старый тазик для умывания; у порога, нахохлившись, сидела парочка кур-пеструшек, которые то ли спали, то ли бодрствовали; все вокруг было заляпано их белоснежным пометом. На косяке входной двери висела подернутая плесенью старая соломенная шляпа. На сушильной веревке болтались неряшливо наброшенные серые штаны, их концы пообтрепались, когда-то сделанная на задку заплата лопнула по шву. Все в этом дворе выглядело убогим и разбитым. Без заботливых женских рук здесь воцарилась атмосфера полной заброшенности.

Задумавшись, Се Яцзюнь неторопливо продвигалась внутрь дворика. Лишь виноградная лоза здесь хозяйничала на полную мощь, ее завитые плети вытянулись во всю длину и уже перекинулись через стену, словно зазывая гостей. С внутренней стороны подпорки свисали сверкающе-прозрачные гроздья винограда, и пускай он еще не созрел, искрящиеся на нем капельки росы добавляли пустому двору удивительную живость и очарование.

Пока девочка как замороженная смотрела на эти гроздья, дверь дома с грохотом распахнулась. Это произошло столь неожиданно и громко, что нахохлившиеся куры, словно по команде, пулей отскочили от порога и, квохча как заведенные, принялись кривобоко хлопать крыльями, в панике спасаясь бегством. Се Яцзюнь замерла на месте: она никак не

ожидала, что в этом пустынном дворе вдруг появится кто-то еще. Знай она об этом, ни за что бы сюда не вошла.

На счастье, человек тоже встал как вкопанный. Вместо того чтобы броситься к ней, он словно бревно замер на пороге. Потом нетвердо оторвал от пола черную ступню и зябко потер ею о тыльную сторону другой. Все это время он не отрывал взгляда от незваной гостьи, словно перед ним стояла не просто девочка, а какая-нибудь загадочная инопланетянка.

Они смотрели прямо в глаза друг другу. Оказавшись в тупике и не зная, как поступить, Се Яцзюнь вдруг услышала позади себя топот маленьких ножек. Словно ища спасения, она быстро обернулась и увидела брата, но тот был не один. Рядом с ним стояла смуглая худенькая девочка. С чего это она пришла сюда?

Одной рукой Бай Сяолань тащила Ячжоу, а в другой держала наполненную чем-то корзинку. В корзинке, судя по всему, стояли две фарфоровых чашки, накрытые перевернутыми блюдами, – при каждом шаге девочки из корзинки доносилось характерное позвякивание. Се Яцзюнь никак не могла взять в толк, почему Бай Сяолань в такую рань вдруг тоже нарисовалась во дворе у Лю Хо? Неужели Бай Сяолань узнала, что тот вернулся домой? Неважно, когда это произошло, вчера вечером или еще раньше, но, так или иначе, она держала это в тайне. Можно было даже не сомневаться, что в чашках находилась приготовленная ее матерью еда. И мама-ша, и дочь словно спелись, в тайне от других совершая доб-

ро.

Се Яцзюнь показалось, что сегодня Бай Сяолань ведет себя чуть более раскованно, чем обычно. Увидав подругу, она ничуть не смутилась; напротив, ее поведение казалось совершенно естественным, точно они заранее договорились встретиться в этом чертовом месте.

– Я-я еще издалека за-заметила Ячжоу. Он ска-сказал, что вместе с тобой и-ищет кролика, – как всегда заикаясь, но абсолютно спокойно сказала Бай Сяолань. – Мама по-попросила меня от-отнести Лю Хо еду. Я ду-думала, что у-утром по пути в школу все-все тебе расскажу...

Непонятно почему в груди Се Яцзюнь вдруг вспыхнул огонь негодования. Ее разом кинуло в жар. Казалось, кровь вот-вот закипит в ее жилах. Возможно, ее взбесил именно этот совершенно беспечный вид подруги. Не дождавшись, пока Бай Сяолань закончит фразу, Се Яцзюнь злобно зыркнула на нее, возмущенно протянула руку брату и грубо оттащила его.

– Ах ты гаденыш, ищущ тебя тут повсюду! А ну быстро домой, пока я не сказала маме, чтобы отлупила тебя!

Ячжоу немного испугался. Ему вдруг показалось, что сегодня старшая сестра ведет себя как-то странно – она ругалась точь-в-точь как мама.

Се Яцзюнь не торопилась сообщать матери новость про Лю Хо.

На самом деле появление Лю Хо ее очень встревожило. Если сперва он произвел на нее впечатление глупого озорного мальчишки, то теперь встреча с ним принесла ей противоречивые и в то же время неприятные переживания. Она все думала о том, что этому мальчишке, который по возрасту был не старше нее, наверняка пришлось пережить нечто небывалое. Ведь все эти дни он невесть где скитался совершенно один, и, скорее всего, его душу терзали беспокойство и страх. Об этом говорил его слишком сложный, слишком смущенный и слишком настороженный взгляд. Разумеется, был и другой человек, чьи поступки удручали девочку еще сильнее, и от этого на душе у нее становилось совсем тошно.

В то утро Се Яцзюнь и правда очень рассердилась на Бай Сяолань, и это тотчас отразилось на ее поведении. В общем-то, любой поступил бы на ее месте так же. Оказавшись в незнакомой обстановке с незнакомыми людьми, она ценой больших усилий обрела подругу в лице Бай Сяолань, но и подумать не могла, что в ключевой момент та возьмет и облапошит ее, оставив в дураках. Однако от себя Се Яцзюнь тоже не ожидала, что разозлится так сильно, – это было для нее весьма странно и совсем не характерно.

В последующие несколько дней Се Яцзюнь потеряла всякое желание общаться с Бай Сяолань. Она не то чтобы избегала ее, но просто не знала, как дальше вести себя с ней. И пускай у Бай Сяолань имелось вполне резонное объяснение, Се Яцзюнь было очень неприятно: она чувствовала се-

бя игрушкой в руках лучшей подруги. Теперь ей было проще простить того мальчишку, что попал в глаз ее брату, чем Бай Сяолань. А причина заключалась как раз в том, что она очень дорожила Бай Сяолань, с которой у нее только-только стала завязываться настоящая дружба. Когда человеку действительно кто-то небезразличен, он становится несколько импульсивен.

В их дом, расплываясь в улыбке, снова наведалась сестрица Хуа.

Едва эта женщина переступила порог, Се Яцзюнь тотчас догадалась, что та пришла, чтобы, скорее всего, замолвить словечко за Лю Хо. И в самом деле, сперва сестрица Хуа все ходила вокруг да около и просто болтала с матерью ни о чем, а вслед за этим принялась участливо расспрашивать о здоровье брата Се Яцзюнь. При этом казалось, что ее это волнует как никого больше. Когда мать сказала, что рана уже почти зажила, и воздала хвалы Будде в надежде, что никаких следов не останется вовсе, собеседница тут же изменилась в лице, будто бы выражая полное смирение и покорность.

– Я знаю, что вы, в отличие от местных, люди продвинутые и злобу таить не будете. В следующий раз приведу с собой этого паршивца, чтобы он как подобает покаялся и попросил прощения, – произнесла сестрица Хуа.

Мать, кажется, сообразила, что к чему, и уже по-новому посмотрела на докучливую гостью.

– Так ты хочешь сказать, что мальчик уже вернулся?

Понимая, что скрывать что-либо больше нет надобности, собеседница, смутившись, кивнула и виновато сказала:

– Ты женщина взрослая. Не стоит опускаться до его уровня, тем более что я со своей стороны уже как следует его отругала. Он понимает, что виноват, и раскаивается не меньше, чем...

Се Яцзюнь показалось, что на лице матери вдруг промелькнуло смятение. Похоже, она хотела что-то сказать в ответ, но вместо этого лишь беззвучно шевелила губами.

Братик Се Яцзюнь, который из-за пропажи кролика последние пару дней был мрачнее тучи, напоминал маленького старичка. Мало того что целыми днями он капризничал и орал, так еще и ходил надутым, не обращая внимания ни на какие уговоры. Заметив, что малыш не в духе, мать Бай Сяолань подошла к нему, присела рядышком на корточки и тихонечко забормотала:

– Сестрица Сяолань уже передала дяде письмо на шахту и попросила, чтобы он в следующий раз привез для тебя точь-в-точь такого же кролика.

С этими словами она легонько прикоснулась к носику малыша.

Наконец, понимая, что ее миссия выполнена, сестрица Хуа собралась уходить. Прежде чем выйти, она обернулась и, посмотрев на сидевшую за книжкой Се Яцзюнь, обратилась к ней:

– А что это ты в последнее время не заглядываешь к нам,

чтобы пообщаться с Сяолань?

Се Яцзюнь чуть помедлила, после чего, опустив голову, ответила:

– Уроков было много, вот и не выбралась.

Тогда сестрица Хуа вдруг погладила ее по плечам и не без тяжести в голосе заметила:

– Несчастливая Сяолань с детства заикается, в нашем поселке лишь одна ты ее и уважаешь.

У Се Яцзюнь все упало внутри, словно ей неожиданно залепили оплеуху. В тот же миг лицо ее вспыхнуло и ей стало совсем не по себе. До нее наконец-то дошло, что не стоило так резко отдаляться от Сяолань, ведь девочка сильно страдала.

Словно случайно обронив эту фразу, сестрица Хуа направилась к выходу. Во дворе тут же раздался яростный лай Танка. Ох уж эти собаки, как разойдутся, так и не знаешь, куда от их лая деваться, кажется, вот-вот рухнет небо.

Спасаясь от невыносимой тоски, Се Яцзюнь потихоньку проскользнула во двор, чтобы развеяться. На улице стояла кромешная тьма, лишь в углу мерцали два зеленых огонька: то были глаза Танка, который с надеждой уставился на хозяйку. В задумчивости она подошла к нему и присела рядом на корточки. Этот большой пес стал проявлять к девочке небывалую раньше симпатию. Привязанный крепкой веревкой, он изо всех сил ластился к ней, вытягиваясь во всю длину, словно какой-нибудь червяк, тыкался в ее голые ло-

дыжки мокрым носом и обиженно скулил.

Почувствовав исходящее от перевозбужденной собаки тепло и насыщенный запах шерсти, Се Яцзюнь тотчас успокоилась. С тех пор как Танк потерял свободу, все свои потребности и нужды он справлял в этом темном углу у стены. Превратись он в человека, так уже точно сошел бы с ума. Собака изо всех сил стелилась под ноги девочки, однако веревка беспощадно тянула ее назад, не давая достичь цели. И пускай расстояние между девочкой и собакой было не больше шажочка, преодолеть его не было никакой возможности. От таких страданий умереть впору. Будучи собакой, Танк мог лишь с мольбою в глазах бороться из последних сил.

Вскоре, убедившись, что к нему совершенно безразличны, Танк подобрался и недовольно уселся. Он с силой вонзил когти передних лап в землю и точно рыба забил хвостом вверх-вниз, в нетерпении глядя на Се Яцзюнь. Язык его чуть ли не на всю длину вывешивался вниз, а сам он обиженно поскуливал на все лады. Не в силах более выносить этих звуков, Се Яцзюнь решила прекратить пытку. Никто не вправе так жестоко обращаться с собакой. Животное нельзя целыми днями держать на привязи, словно злостного преступника в ожидании приговора.

Тут же ей вспомнилось, что отец несколько раз просил их хорошенько заботиться о собаке. По его словам, бдительность Танка была куда острее, чем у людей. За годы службы он совершил несколько подвигов, но потом из-за серьезного

ранения его пришлось списать. Отец также сказал, что пока их дом охраняет Танк, он за свою семью может быть полностью спокоен. Вспомнив все это, девочка порывисто подавалась вперед, подошла к стволу дерева, вокруг которого крепилась веревка, нагнулась и одним движением руки развязала петлю. Она властно подтянула Танка к себе и печально вышла с ним за ворота.

Оказавшись на улице, Танк обрел долгожданную свободу и теперь, довольный, то и дело встряхивался всем телом и легкой рысцей продвигался вперед. Всю дорогу он тащил за собой Се Яцзюнь. Иногда на короткое время останавливался и настороженно замирал у обочины, высоко задрав голову и наострив уши. В одном из соседних дворов беззаботно таякнула собака, из-за чего ночная мгла вмиг сделалась какой-то широкой и глубокой, загадочной и чуждой. Как и все собаки, Танк включился в перелай: «Гав-гав... Гав-гав...» — с чувством пролаял он, словно поддерживая разговор.

Только сейчас Се Яцзюнь почувствовала, насколько пугающе безлюдным было это место. Редкие смутные огоньки в окнах домов скорее напоминали отдаленный отсвет блуждающих фосфорических огней, а чуть дальше царила беспросветная тьма, черная до предела, словно на самом краю мира. И только небо над головой выглядело сверкающим и волшебным: то сияли в далекой вышине мириады звезд. Они так густо устилали небосвод, что, казалось, там не осталось свободного пространства, и от такого их скопления становилось трудно дышать.

Ее невольно накрыло волной сильных чувств, словно посреди безбрежной пустыни она вдруг обнаружила прекрасный живительный оазис. Душа подсказывала ей, что Все-

вышний и правда все видит, раз так щедро одарил это захо-
лустье целой россыпью сверкающих звезд, иначе у здешних
жителей по ночам было бы полное ощущение, что они нахо-
дятся не иначе как в аду. Свет звезд зажег ее воображение, а
то в свою очередь пробудило от спячки ее душу, подарив луч
надежды. Доверившись Танку, который продолжал тащить
ее вперед, она одиноко брела под этим безбрежным роскош-
но сияющим небом, пока незаметно для себя не оказалась у
высоченного старого вяза. Не успела она и глазом моргнуть,
как сошла с главной улицы поселка и направилась напрямиком
на запад, где чернела тополияная роща.

Стоило ей войти в рощу, как Танк, словно сумасшедший,
принялся лаять и рваться вперед. В крошечной тьме его пер-
вобытная остервенелость через натянутую веревку переда-
валась ее руке. Танк изо всех сил тащил ее за собой. Каза-
лось, веревка, глубоко врезаясь в кожу девочки, вот-вот обо-
рвется; ладонь горела огнем. Не обращая внимания на боль,
Се Яцзюнь насторожилась. Черный нос Танка яростно наце-
лился на нечто в глубине рощи. При свете звезд его обна-
женные клыки сверкали, будто зубья пилы. Несколько раз
она окликнула собаку по имени, надеясь, что та хоть немно-
го ослабит свою прыть. Поскольку силенок у девочки было
маловато, она не могла контролировать отчаянно рвущегося
вперед пса. Еще немного – и она растянется на земле.

Неожиданно из рощи выскочило какое-то существо, и
практически в тот же момент Танк рывком выдернул верев-

ку из рук Се Яцзюнь и очертя голову ринулся к цели. Ее барабанные перепонки едва не разорвались от бешеного лая. В этой какофонии она различала голоса Танка и еще одной неизвестной ей собаки, чей лай был таким же оглушающим и надрывным. Никогда прежде девочке не доводилось быть свидетельницей такого жуткого противостояния и такой лютой ярости. Ее бросило в дрожь, язык перестал слушаться, горло перехватило. Она силилась что-то крикнуть, но из горла не вырвалось ни звука, страх сковал все ее тело. И вдруг в этот самый критический момент из рощи вылетел длинный тонкий силуэт и одновременно раздался чуть хрипловатый окрик:

– Сюда, Пчела! Быстро ко мне! Смотри у меня!

То ли из-за игры теней, то ли из-за того, что сегодня слишком уж ярко светили звезды, но голос этот вихрем ворвался в рощу и отозвался долгим раскатистым эхом, проникнув глубоко в уши Се Яцзюнь. Словно в тумане, ей показалось, что она попала в какую-то долину, где на сто верст окрест ее окружали горы. Не понимая, в каком она вообще измерении, девочка почувствовала себя крошечной и одинокой. К счастью, окрик подействовал, и большая светлая собака послушно вернулась к хозяину, все еще продолжая недовольно рычать, будто на что-то жалуясь.

Придя в себя, Се Яцзюнь тоже поспешила позвать к себе Танка. Отец учил ее и брата, что команды для собак должны звучать коротко и четко: «Танк, ко мне! Танк, ко мне!»

Разумеется, Танк понимал эту команду, однако вместо того чтобы развернуться и побежать к ней, он пригнул голову и, бросая хищные взоры в ту сторону, куда удалился противник, не спеша начал отступать. Дождавшись, когда Танк подойдет ближе, девочка быстро подобрала волочившуюся по земле веревку и несколько раз обмотала ее вокруг руки, чтобы собака не вырвалась снова. Несмотря на то, что опасность уже миновала, страх еще не прошел, сердце колотилось как бешеное, а ладонь все так же горела огнем. Однако она даже не взглянула на свою руку, потому как видела, что за ней неотрывно наблюдают. Собаки в этот момент уселись у ног хозяев, сверля друг друга враждебными взглядами.

Только теперь Се Яцзюнь наконец разглядела этого мальчишку. Сейчас он не был похож на хулигана, что сидел в классе у нее за спиной. Не был он похож и на того Лю Хо, который приставал к ней с глупыми вопросами. Перед нею стоял одинокий, унылый бродяга, подросток-голодранец, которому некуда было податься и единственной опорой которого была собака.

– Эй, здесь же кромешная тьма, почему ты бродишь один? – наконец спросила Се Яцзюнь. Голос ее прозвучал отрывисто и трусовато, но сама постановка вопроса выглядела так, что, казалось, единственной законной хозяйкой этой территории является она. На самом деле ей хотелось спросить подростка, за что тот изувечил ее брата, но она этого не сделала. Однако мальчик, словно обо всем догадавшись,

произнес:

– Про-прошу прощения, я... я... в тот день я не специально!

И пускай говорил он сбивчиво, это были те самые слова, которые она мечтала услышать больше всего. Наверняка он сильно нервничал, поскольку говорил сумбурно и даже заикался. Зная, что в темноте ее все равно не видно, девочка поджала губы, чтобы не рассмеяться.

– Странно, – произнесла она, – неужели это заразно? Не успел угоститься едой из дома Бай Сяолань, как тоже заикаться стал?

С этими словами она вдруг не по-доброму хихикнула.

Мальчишка почти наверняка весь залился краской и теперь не знал, куда деваться от стыда. Он сконфуженно приподнял одну ступню и принялся ею чесать об икру другой, напоминая петуха. Глядя на его мученический и в то же время потешный вид, Се Яцзюнь поняла, что слегка переборщила со своими шуточками. А он мало того что выделял кренделя ногой, так еще и почесывал черепушку, всем своим видом демонстрируя полное невежество и наивность. Пока он так чухался, ей вдруг показалось, что он превратился в себя маленького; выглядел он при этом уморительно и даже немного придурковато.

– Эй, а чего же ты тогда убежал?

– Я, я, я на-напугался. В любом случае я виноват, нет мне прощения.

– Председатель Мао говорит, что главное – уметь признавать и исправлять свои ошибки!

– Я клянусь перед председателем Мао, что больше никогда не стану убегать!

– То есть, другими словами, ты и впредь будешь хулиганить?

– Нет, нет, конечно же нет...

– Лю Хо, ты, кстати, еще не объяснил, почему тайком прятался в этой роще. Неужели снова что-то задумал?

– Нет, нет, я просто выгуливал Пчелу. После возвращения ее заперли в чулане, чтобы зря не гавкала, поэтому за эти два дня она сильно настрадалась.

– О, так, оказывается, они с Танком – товарищи по несчастью. Честно говоря, моя мама тоже запретила выводить Танка на улицу, чтобы он снова не накликать беду.

– А кто такой Танк?

– Глупый! Разумеется, собака, не ты же.

– То есть твоего пса зовут Танк?

– Да, потому что раньше он служил в армии. Мой отец говорит, что у него как у настоящего героя много выдающихся заслуг, но из-за ранения ему пришлось отойти от службы.

– Неудивительно, что у него такой свирепый вид! А как, кстати, глаз у твоего брата, поджил?

– Все в порядке, скоро совсем поправится.

– Я... я хотел бы лично извиниться перед ним.

– Считай, что уже извинился, просто моя мама сейчас

очень рассержена.

– Так пусть и отругает меня как следует, а еще лучше – побьет, я только обрадуюсь, правда!

– Неужто ты такой смелый?

Так, слово за слово, они еще немного поговорили, хотя на самом деле этот разговор по большей части состоял из ее вопросов и его ответов. Атмосфера понемногу разрядилась и стала теплее, Се Яцзюнь удалось кое-что узнать о его жизни:

Лю Хо был единственным сыном в трех поколениях семейства Лю.

По сути, он считался наполовину сиротой.

Его мать умерла очень рано.

В настоящий момент даже отец не знал, куда пошел Лю Хо.

В этом мире, кроме отца, самым родным существом для него являлась эта большая рыжая собака.

Неизвестно, кто из них первым сделал шаг (а может, и два) навстречу, но только расстояние между ними сократилось, разговор постепенно стал сердечнее и тише, они почти перешли на шепот. Теперь ребята общались, словно друзья после долгой разлуки.

Что же касается собак, то те сперва настороженно осматривали друг друга, в их взглядах читалось подозрение, а когти и пасти были приведены в боевую готовность. Однако вскоре и они молча сблизились и принялись осторожно обнюхивать друг друга. В мире собак все устроено иначе, чем у

людей: чтобы отличить своего от чужака, собаки полагаются на нюх, и, если на этом этапе им удастся достичь консенсуса, это равноценно сходству во вкусах у людей. Отныне можно, что называется, зарыть топор войны и установить добрососедские отношения, дать клятву верности и никогда не разлучаться.

Мать чуть ли не каждый день трубила о том, что без дела нечего бродить по улицам: мол, в этом поселке не встретишь ни одного приятного человека. Но теперь Се Яцзюнь показалось, что мать нарочно страшит ее.

Через какое-то время их оторванный от мира тихий поселок на северо-западе Китая захлестнуло волной, которая по своему накалу была даже жарче, чем наступившее бабье лето. День-деньской уличный динамик разрывался от высших указаний, которые сыпались в виде лозунгов вроде «насаждать полезное и искоренять вредное», «трудиться с полной отдачей» и т. д. Очень скоро работники зоостанции, медпункта, государственной столовой, мелочной лавки, масляной лавки и автовокзала стали наперебой организовывать митинги. Даже учителя и ученики центральной поселковой школы – и те, выстроившись в ровную колонну, воодушевленно и горделиво выходили на улицу и там дружно рвали глотки, целое утро выкрикивая лозунги.

В поселке призывали к тому, чтобы каждая семья выделила по крайней мере одного крепкого работника на стройплощадку, где требовалось передвигать валуны, таскать мешки с песком, замешивать бетон. Каждому, кто откликнулся, руководство распорядилось выдавать в день по полцзиня пайка при условии, что дамба как подарок к годовщине образования КНР будет построена до наступления зимы. Со всех сторон к главной дороге поселка мощной приливной волной прибило более тысячи человек, которые грандиозным потоком хлынули на стройплощадку, что находилась в излучине

реки на расстоянии примерно в несколько десятков километров. Люди тащили на спинах скатки с постельными принадлежностями, за поясами у них болтались черпаки, на плечи были закинuty лопаты или мотыги. У шагающего впереди высоко вверх вздымалось ярко-красное знамя, на котором сиял недавно нанесенный золотисто-желтой краской лозунг: «Мобилизуем массы на борьбу с водой в надежде на богатый урожай!». При каждом порыве ветра знамя жестко вздрагивало, издавая упругие хлопки.

Тут-то соседи и обнаружили, что куда-то запропастился отец Лю Хо. Одни говорили, что тот подался куда-то на юго-запад и в результате заблудился в пустыне Му-Ус, которая и погребла его под своими песками; другие возражали: ни в какую пустыню он не заходил, а на самом деле его загрызли голодные волки, когда он отправился в горы к западу от поселка. Третьи рассказывали, что он на грузовике соскользнул в ущелье и разбился... В общем, никто толком не знал, куда именно он пропал. В этой семье остался лишь мальчик-подросток, но чем он не работник? В те времена каждый человек должен был отдавать свою энергию коллективу, как говорится, социализм не терпит тунеядцев.

Что же до самого Лю Хо, то он весь просто горел энтузиазмом. Выпятив свою куриную грудь, он сам пришел куда надо и обратился к ответственному за мобилизацию:

– Мой отец еще не вернулся домой. Можно ли мне поехать на стройплощадку вместо него? Я полон сил, справлюсь с

любой работой.

Облаченный в суньятсеновку¹³ работник, заложив руки за спину, быстро обошел его дом и направился во дворик. Бросив беглый взгляд на виноград, он сорвал одну виноградину, сунул ее в рот, разжевал и, скривившись, тут же принялся тщательно отплевываться зелеными слюнями, похожими на свежий куриный помет. Наконец, втягивая щеки, работник произнес:

– Скоро поспеет виноград. Подойдет время, собери все это богатство и доставь на стройплощадку, чтобы народ полакомился. Считай, что это и будет твой вклад.

По правилам, сестрице Хуа также следовало отправиться на строительство дамбы. Дело в том, что муж ее работал на стороне, между тем как грандиозный проект должен был осчастливить все население поселка, принеся выгоду каждому из его жителей, включая сестрицу Хуа. Со слезами на глазах та прибежала в дом Се Яцзюнь и принялась жаловаться: мол, хорошо матери Се Яцзюнь, ей не нужно ехать ни на какую стройплощадку, ведь уже несколько месяцев ее муж и так денно и нощно находится на передовой, да еще и руководит этим проектом, управляя всеми рабочими. Другого такого в их поселке днем с огнем не сыскать. В общем, от зависти сестрица Хуа, что называется, весь язык себе покусала.

Учителей по большей части также всех отправили на

¹³ Китайский полувоенный френч.

стройку, поэтому занятия в школе практически прекратились. Однако ребята, не желая оставаться в стороне, решили сколотить агитбригаду, отвечающую за художественную самодеятельность, чтобы приезжать на стройплощадку и устраивать там поднимающие дух концерты. Тем самым они мечтали внести свою лепту в эту великую стройку.

Поскольку Се Яцзюнь говорила на прекрасном путунхуа, ей доверили роль ведущей концертов. Разумеется, она с огромной радостью согласилась. Ведь на стройке она могла увидеться с отцом, по которому так сильно скучала, и это взволновало ее до предела. Она даже вызвалась выступить с декламацией известного всем стихотворения председателя Мао «Застава Лоушань»:

...Пусть перевал этот труден и сложен,
Мы все равно одолеем его.
Да, одолеем его.
Синие горы похожи на море,
А заходящее солнце – на кровь¹⁴.

Каждый раз, когда Се Яцзюнь доходила до последних строк, все ее тело пронизывала дрожь, она с головой погружалась в дерзновенную энергию стиха. Ее охватывало такое бурное воодушевление, словно она и впрямь видела эту ослепительную картину синих гор и заходящего солнца собствен-

¹⁴ Перевод А. Панцова.

ными глазами.

В общем, примерно через неделю их агитбригада в составе двадцати одного человека должна была выдвигаться на стройплощадку, чтобы подбодрить рабочих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.